

Борис Геннадьевич Цеханович

Хлеб с порохом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573505

Хлеб с порохом : роман / Борис Цеханович: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46605-4

Аннотация

Горькая армейская истина: война – не только доблесть, мужество и отвага. Это кровь, боль, грязь, горечь от потери боевых друзей. Главному герою романа майору Борису Копытову эту горькую чашу войны довелось испытать сполна. Глазами сорокалетнего офицера мы видим самые жестокие и драматические эпизоды чеченской войны, описанные ярко и правдиво, без цензуры и приукрашивания. И в центре этого кровавого вихря выполняют свой воинский долг простые русские солдаты, сыновья великой страны, забытые и преданные этой великой страной...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Цеханович

Хлеб с порохом

Глава первая

Под Чечен-Аулом

Утром меня вызвал начальник штаба полка:

– Копытов, берешь к себе в колонну еще машину космической связи. За благополучную доставку ее к командиру полка отвечаешь головой. Учти, в ней золота больше, чем стоит полк твоих противотанковых установок. Задача понятна? Ну, тогда вперед.

Наконец-то. Ровно месяц назад наш кадрированный полк срочно был пополнен солдатами из Забайкальского военного округа, перекинутыми к нам в течение суток самолетами. Пополнена и моя противотанковая батарея. Среди 28 рядовых и сержантов были повара, строители, пехотинцы, химики... Был даже бывший осужденный, но ни одного противотанкиста. Офицеров и прапорщиков тоже дали, но уже из нашего округа. Вот с таким контингентом нам и пришлось идти на войну. Десять дней интенсивного боевого слаживания. Марш железнодорожным транспортом на Кавказ. Снова боевое слаживание, но уже в Чечне под Толстым-Юртом в тяжелых условиях. Марш на станцию Примыкание, которая находилась между Аргуном и Грозным. И вот четырехдневное стояние здесь закончилось. Мотострелковые батальоны полка вчера прорвались мимо Пригородного, Новых Промыслов к Чечен-Аулу и закрепились там. Сегодня с двумя взводами ухожу я туда, а третий взвод пока остается на поле, прикрывать огневые позиции нашего дивизиона.

За этот месяц я достаточно хорошо узнал личный состав батареи, и сейчас, пока шел к колонне, мысленно еще раз пробежался по своим подчиненным, как бы заново оценивая их. Хорошо показали себя командиры взводов: лейтенанты-двухгодичники. Я сразу же выделил командира первого взвода лейтенанта Жидилева: небольшого роста, хитроватый, хозяйственный деревенский мужичок. И солдаты подобрались такие же хозяйственные, все, что имело какую-то ценность в будущем на войне, тащили во взвод и уже обросли своим имуществом, которым очень дорожили. Командир второго взвода лейтенант Коровин не отличался хозяйственной жилкой, но был добросовестным и грамотным офицером, насколько это можно сказать об офицере-двухгодичнике. Сумел заинтересовать и сплотить вокруг себя личный состав, и его взвод уже представлял достаточно крепкий воинский коллектив. Командиры первого и второго взводов закончили Челябинский сельскохозяйственный институт, где на военной кафедре изучали противотанковую установку «9П148». Надо сказать, что преподаватели на кафедре добросовестно относились к своим обязанностям и хорошо готовили из студентов офицеров-противотанкистов. Что Жидилев, что Коровин отлично знали технику и уверенно ее использовали, как на занятиях, так и в ходе многочисленных маршей. Очень много беспокойства вызывал третий взвод и его командир лейтенант Мишкин. Глядя на него, я часто вспоминал фильм «Адъютант его превосходительства» и одного из героев – поручика Микки. Такая же романтическая натура, которая при первой встрече с реальной действительностью очень быстро ломается. Мне кажется, он мечтал как можно скорее попасть на войну, где в бесконечных победных боях он во главе взвода врывается в гущу противника, проявляя массу героизма – побеждает, а может быть, и героически погибает. Но уже на этапе боевого слаживания романтизма и восторга поубавилось. По закону подлости ему во взвод подобрались слабые сержанты и водители. Один водитель, рядовой Снытко, со своей вечно кипящей противотанковой установкой, мог вогнать в

глухую тоску любую героическую натуру. Личный состав в третьем взводе подобрался разношерстный, и коллектив как таковой не сложился.

Из прапорщиков я в полной мере мог положиться на Игоря Карпука – добросовестный парень, инициативный. Постоянно работая на технике, он достаточно быстро узнал устройство и особенности эксплуатации противотанковых установок. Немаловажную роль сыграло и то, что он родом был из Бурятии, откуда была подавляющая масса личного состава. Среди них он быстро завоевал авторитет, и солдаты безоговорочно выполняли все его указания. В результате получилось так, что замполит Кирьянов был моей правой рукой, а Карпук стал, если так можно выразиться, – левой рукой.

Старшина, прапорщик Пономарев, бывший капитан милиции, не пользовался никаким авторитетом среди солдат. Он их боялся, а солдаты быстро это прочухали и давали ему отпор во всех его начинаниях. Да и я часто ругал его за то, что он всю работу взваливал на одних и тех же безответных, добросовестных солдат.

Среди солдат я хорошо узнал тех, с кем мне приходилось часто сталкиваться в период подготовки батареи. Водителем на мой, командирский БРДМ попал бывший заключенный рядовой Чудинов – кличка Чудо. В тюрьму попал по хулиганке, отсидел, что-то увидел, почувствовал, чем страшно гордится. Нахватался зэ–ковских понятий, законов и пытается здесь этим бравировать. Офицеров и прапорщиков считает «западло», особенно ненавидит старшину за то, что он бывший мент. С солдатами живет нормально, говорит: «Чистые погоны – чистая совесть». Пока выполняет все приказы беспрекословно, хотя иной раз саботирует указания старшины. Сержант Алушаев, пулеметчик моей машины, серьезный и надежный парень. Санинструктор сержант Торбан добросовестный, но бестолковый. По своей специальности подготовлен слабо. Если сталкивается с какой-нибудь болячкой, бежит за советом к технику. Игорь, оказывается, неплохо разбирается в медицине – на бытовом уровне. Среди командиров машин в лидерах ходят сержанты Некрасов и Ермаков. Оба из второго взвода. Правда, краем уха слышал разговор среди солдат, что Ермаков слабоват на выпивку. Узнал я и других солдат, сержантов батареи – кого больше, кого меньше, и теперь нам вместе придется выполнять боевую задачу.

Колонна машин, которая должна была двигаться к Чечен-Аулу, уже была выстроена. Тут же стояли и два моих противотанковых взвода. Я только сходил за «Уралом», на котором была установлена космическая связь, и поставил его в свою колонну, за машиной командира второго взвода. А еще через десять минут мы тронулись. Прошли мимо подбитого самолета и по автостраде проехали километра три в сторону Грозного, после чего свернули в поле, на дорогу, пробитую прошедшей техникой. Я сначала опасался за свои БРДМ, но машины шли нормально, и «Урал» со связью тоже. Минут двадцать мы шли по территории обширных садовых участков. Кругом были видны воронки и израненные осколками снарядов и мин деревья, и только в одном месте мы увидели перевернутый прицеп с рассыпанными по земле минометными выстрелами. Дорога ухудшилась, и колонна стала растягиваться, тяжелый «Урал» начал опасно отставать. Пришлось тоже снизить скорость. Еще пару километров, и техника, натужно гудя, форсируя большую и глубокую лужу, стала выползать на асфальт, втягиваясь в улицу дачного поселка. Тут уже располагался блокпост морских пехотинцев, но над поселком и дорогой грозно нависали высоты Новых Промыслов, откуда в любой момент мог обрушиться шквал огня.

Колонна остановилась, поджидая отставшие машины. Батарея моя была в полном составе, и «Урал», спокойно работающий на холостом ходу, внушал оптимизм. Замыкание доложило о всех машинах, тронулись дальше. Метров через сто увидели первый труп боевика. Он лежал, уткнувшись головой в землю, автомат, наверно, забрали, но тело было перепоясано ремнями, на которых висели пустые подсумки для гранат и патронов. Лежал боевик рядом с какими-то разбитыми мастерскими, во дворе которых теснились легковые и

грузовые машины. Даже мимолетного взгляда, который я успел бросить внутрь двора, было достаточно, чтобы понять: если там и были целые машины, то после посещения наших военнослужащих онигодились только в металлолом. Все машины были или расстреляны, или взорваны гранатами. Слева промелькнуло кладбище, густо утыканное пиками и свежими могилами. Я уже знал, что под каждой пикой лежит воин, погибший в борьбе с неверными, и количество пик радовало душу.

Проехали поселок Гикаловский, еще через пять минут миновали автобусную остановку с телами расстрелянных боевиков и северный перекресток дорог на Чечен-Аул. Через километр подъехали к племенной станции, где расположился командный пункт и подразделения полка. Перед главной дорогой, где был поворот к зданию племенной станции, стояли два больших постаменты, облицованных кафельной плиткой. На левом – скульптура мощного быка, который в ярости загребает копытами. Особенно рельефно на скульптуре выделялись яйца, на которых виднелись следы пуль. А на правом – скульптура барана, гордо закинувшего голову. Я слез с машины и, внимательно осмотрев монументы, отправился искать командира полка, чтобы доложить о прибытии и получить задачу. Штаб располагался в трехэтажном здании бывшего управления племенной станции на первом этаже. В большой комнате, когда-то здесь размещалась бухгалтерия, я нашел командира полка и начальника артиллерии, стол которого располагался рядом со столом командира. Сразу же доложил обоим. Командир спросил, как добрались, была ли обстреляна колонна? Получив ответы, Петров низко склонился над картой.

– Смотри на карту и запоминай, – командир взял в руку карандаш, – встанешь здесь. Вот сейчас ты проезжал, слева был перекресток, автобусная остановка и дорога на Чечен-Аул, помнишь?

– Да, товарищ полковник, видел.

– Вот этот перекресток ты и обороняешь. Разворачивайся и закапывайся. Там сейчас стоит мотострелковый взвод третьей роты, но я его завтра уберу оттуда. И ты там будешь единственным заслоном от боевиков со стороны северной части Чечен-Аула, да и Гикаловского. Кстати, насчет Гикаловского. Первый батальон прикрывает лишь дорогу, саму деревню не контролирует. Боевики тоже ее не контролируют, но иногда там шастают. Так что за этим селом так же внимательно надо наблюдать. Вот на этом поле через пару дней я разверну артиллерию полка. Так что от тебя будет зависеть многое. Будь бдительным. От Чечен-Аула идет асфальтовая дорога, всего километр, ты даже оглянуться не успеешь, как дудаевцы ворвутся в твоё расположение – если они по ней рванут на тебя. А метров через триста и позиции дивизионов. Пожгут они на хрен все. А у нас и так вчера за двадцать минут боя сожгли почти всю танковую роту. Так что ты должен там организовать четкую службу и крепкую оборону. Задача ясна?

Я склонился над картой, несколько секунд вглядываясь в условные обозначения, потом поднялся:

– Ясно, товарищ полковник. Разрешите убыть?

Командир махнул рукой, я же еще посмотрел на начальника артиллерии, ожидая дополнительных указаний, но тот лишь вяло махнул рукой, и я вышел из комнаты.

Приняв вправо у перекрестка, я остановил колонну, соскочил с машины и пошел к мосту через арык, на котором стоял офицер. Это оказался командир третьей роты Саня Григорьев. Мы поздоровались, и я объяснил причину своего прибытия, попросив обрисовать обстановку.

– Ты, Боря, смотри сам. Здесь я тебе не советчик. Сам определяйся, куда и кого ставить.

Закончив обход позиций мотострелков, я определился с обороной данного района, после чего подозвал командиров взводов:

– Коровин, ты со своим взводом занимаешь оборону за мостом, пятьдесят метров дальше сгоревшего «Москвича» – фронтом на Чечен-Аул. Задача: не пропустить боевиков в случае атаки на мост. Жидилев, а ты со своим взводом располагаешься на поле, на уровне второго взвода, но углом к дороге, так чтобы в случае попытки прорыва боевиков ты мог вести огонь по дороге, идущей из деревни ко второму взводу, а также по деревне. – Я прутиком начертил на земле схему расположения взводов. – Как развернетесь, сразу же капитально закапываться. Я же расположусь вот здесь, у моста. Если кто прорвется, то мы будем с ними уже здесь разбираться. Задача ясна?

Офицеры мотнули головами.

– Алексей Иванович, ты с Карпуком оборудуешь место командного пункта у моста. «Уралы» и БРДМ туда же поставишь. Но БРДМ так поставишь, чтобы пулеметами мы могли смести с моста любого, кто там окажется.

Поставив задачу, я пошел к видневшейся в отдалении кашаэмке артиллеристов. За ней в пятидесяти метрах деловито суетились танкисты, цепляя тросом танк, который свалился в арык.

– Кто командир батареи? – спросил я солдата с автоматом.

Ответить солдат не успел: открылся люк, и из него вылез капитан Кириллов.

– Боря, здорово. Ты чего тут делаешь?

Выслушав меня, он обрадовался:

– Боря, я сейчас пытался танком взорвать склад ГСМ на окраине Чечен-Аула, да ни фига не получается. Корректировал, корректировал, но эти дебилы танкисты попасть не могут. Давай из твоей противотанковой установки долбанем...

Кириллов показал рукой на четыре большие цистерны, которые стояли на склоне горы. Да и я сам давно уже обратил внимание, как танк в двухстах метрах от нас в течение двадцати минут стрелял по складу ГСМ и никак не мог попасть. Я вскинул бинокль и стал осматривать склон горы: четыре цистерны, выкрашенные серебрянкой, поблескивали на солнце. Рядом стояла будка и еще пара строений. Но сложность была в том, что впереди склада высились деревья и проходила линия электропередачи, которые наполовину перекрывали проводами и ветками цистерны.

– Хорошо, Игорь, сейчас попробую уничтожить.

Я отдал необходимые распоряжения и уже через десять минут наводил визир переносной противотанковой установки на левую емкость. Но с этого места тоже было плохо видно: мешали деревья. Я переместился еще на пятьдесят метров влево, теперь можно стрелять. Поставил контейнер с ракетой на пусковую установку и механизмами горизонтальной и вертикальной наводки навел на цель. Затем поднял перекрестье, как это положено, на одну треть высоты цели над цистерной. Успел пожалеть о том, что не захватил на позицию шлемофон, и нажал на спуск. Сначала громко щелкнули и отстрелились крышки контейнера, и почти сразу же заревел стартовый двигатель. Ракета сорвалась с направляющей и помчалась к цели. Оглушенный пуском, я действовал уже на автомате: через секунду огонек от стартового двигателя показался в визире, на границе большого круга. Ракета вихлялась на траектории и все больше смещалась за границу прицельных кругов. Мелкими движениями механизмов наведения за две секунды ввел огонек двигателя в малый круг и установил контроль над полетом ракеты. Постепенно я начал механизмами наводки совмещать малый круг и емкость с горючим. Ракета, послушная командам, начала плавно доворачивать на цель, скользнула над ветками деревьев и практически впритирку прошла по верхнему краю цистерны, взорвавшись под одним из навесов. В разные стороны полетели доски, шифер, загорелись мгновенно куски старого рубероида, выкидывая вверх клубы черного дыма.

Я вскинулся над установкой, в пяти метрах от меня в азарте приплясывал Игорь:

– Боря, блин, еще сантиметров бы пятьдесят ниже, и рвануло бы. Давай вторую.

Взглянул на склад: до него примерно 1800 метров, это значит 9 секунд полета ракеты. А мне показалось, что она летела целую минуту. Я хмыкнул и поставил на направляющую следующий контейнер. Но тоже неудача. Ракета разорвалась в ветках впереди стоящих деревьев. Взял чуть выше, и ракета ушла выше склада, разорвавшись на склоне перед кладбищем. Четвертая попала в провода линии электропередачи и тоже взорвалась. Я еще более сосредоточился: и следующая ракета, ювелирно пройдя меж проводов и над ветками, вонзилась в бок цистерны. День был солнечный и теплый, поэтому пары, которые скопились вверху цистерны, красиво рванули, превращаясь в стремительно расширяющийся огромный огненный шар, но через несколько секунд от огненного шара остался лишь черный дым, а над баком весело и красиво заплясали яркие языки пламени. Я поднял голову и, даже полуголушенный, услышал радостный рев солдат не только моей батареи, но и всех, кто наблюдал. Подбежали солдаты и положили на землю еще две ракеты. И следующую ракету я уже уверенно вогнал в низ цистерны. Взрыв был не такой впечатляющий, но зато через возникшую дыру хлынул мощный поток горящего топлива, который покатиł вниз, зажигая все, что ему попадалось на пути. Последней ракетой я промахнулся и плюнул. Все, на сегодня достаточно.

– Боря, давай еще стрелять. – Кириллов от нетерпения даже подпрыгивал на месте.

– Игорь, все. Комбат счет в батарее открыл. Завтра добьем цистерны, а на сегодня хватит. И так полночи гореть будет.

Мы вернулись на командный пункт, здесь и во взводах всю кипела работа. Я попытался тоже включиться в работу по оборудованию землянки, но, быстро почувствовав боль в районе сердца, бросил это занятие и в бинокль стал рассматривать окружающую нас местность. Типичные для Чечни окрестности. Сзади меня проходила асфальтовая дорога, которая связывала город Грозный с ближайшим населенным пунктом Старые Атаги. В двадцати метрах параллельно дороге протекал арык в глубоком, метра четыре глубиной, канале. Вот на этом клочке, между дорогой и каналом, мы сейчас и разворачивали свой командный пункт. Со стороны боевиков нас прикрывала полутораметровая насыпь, которая шла вдоль всего канала. За каналом проходил железобетонный желоб, где тоже текла вода, но в отличие от арыка она была чистой. Слева от нас, через канал стоял железобетонный мост с большой дырой от снаряда посередине, и дорога от моста шла в Чечен-Аул, который находился в полутора километрах. Он полностью был под контролем боевиков. Слева и справа от дороги чистые поля. На правом поле в трехстах метрах от нас был передний край третьего батальона, а слева никого не было, и вдоль дороги к деревне, практически до нее, шла зеленка шириной метров двадцать. Самое гнусное место для нападения со стороны чеченцев. За ГСМ, который продолжал гореть, было кладбище. Оно плавно взбиралось по склону небольшого хребта на окраине Чечен-Аула, который тянулся, покрытый лесом, несколько километров до н/п Пригородное. Сама деревня казалась вымершей, на улицах никого не было видно, лишь кое-где бродил брошенный скот. Не было видно и боевиков. Я перевел бинокль снова на дорогу, которую прикрывал. Самое плохое, что по прямой чистого пространства было метров девятьсот, то есть ракеты не применишь: оператор просто не успеет взять управление на себя. Тут надо бы еще метров триста как минимум резерва иметь. На плавном повороте дороги виднелись остатки нескольких разбитых машин.

– Это моя работа, – слышался из-за спины голос Кириллова. Он подогнал свою каша-эмку ближе к нам и встал в пятидесяти метрах от моего КП. – Мы в первый день, как сюда прорвались, заняли с мотострелковым взводом оборону. Ночью духи завязали бой с третьим батальоном, причем так нажали, что пехота дрогнула. А здесь они решили додавить. Смотрю в ночник, а они колонну строят, чтобы рвануть и смять нас здесь. Докладываю командиру полка, а тот: «Держитесь сами, подмоги не будет». Ну, я одним дымовым дал пристрелочный. Смотрю, снаряд лег практически нормально, только сто пятьдесят метров перелетел. Я

ввел поправочку в прицел и 72 снаряда дивизионом – беглый огонь! Вообще, классно снаряды легли. Сразу же половина машин взлетела от прямых попаданий, боевики в разные стороны, но мало кто ушел. Пехота даже огня не открывала. Так что я им здесь полностью атаку сорвал. – Игорь от удовольствия потер руки. – Честно говоря, я проворонил, когда они раненых и убитых уволокли. Утром смотрю, а они еще и неподбитые машины втихаря утащили. Да и черт с ними, мало им не показалось.

Мы еще в таком духе немного поболтали, обговорили все возможные вопросы взаимодействия. Игорь предупредил, чтобы ночью я поглядывал за арыком, а то по ночам духи пробираются по ним в расположения войск и вырезают наших. Вскоре Кириллов ушел к себе, а я начал проверять подготовку взводов к ночи. Прошелся по позициям, проинструктировал не только командиров взводов, но и весь личный состав. По радиостанции доложил командиру о занятии района, а через какое-то время стемнело.

В 23 часа я с сержантом Торбаном заступил на дежурство. Небо было чистое и все усыпанное звездами. Из-за горизонта медленно вылезла багровая и огромная луна, обещая освещать своим призрачным, неживым светом все вокруг на протяжении всей ночи. Это меня особо радовало, так как осветительных ракет было уже мало. Но они и не нужны были. Раз в три – пять минут с шелестящим звуком прилетали с огневых позиций около станции Примыкание осветительные снаряды и освещали все кругом: Чечен-Аул, поля, кладбище, хребет с лесом, да и нас тоже. Через минуту после того, как гас осветительный снаряд, высоко в небе разгорался факел осветительной мины, который медленно и величаво опускался на парашюте к земле, освещая все вокруг в течение сорока секунд. А в перерыве между ними в небо взлетали две-три осветительные ракеты, которые пускала пехота. Так что с освещением местности проблем не было.

Дежурство проходило спокойно. Тревожили только отсветы фар машин боевиков, которые шастали на противоположной стороне Чечен-Аула, но с ними активно работал Игорь. Из недалеко стоявшей кашаэмки, из открытого люка, изредка доносился голос Кириллова, подающего команды на огневую позицию своей батареи. Как правило, после команды со стороны станции Примыкание прилетали снаряды и рвались в деревне или на противоположной окраине населенного пункта, пытаясь нащупать машины. После разрывов отблески фар гасли, а потом вновь возникали, но уже в другом месте.

Утром я начал проверять инженерное оборудование позиций взводов. Третья рота уже снялась и ушла, так что теперь нам надо было надеяться только на себя. Пришел Кириллов, и огнем из противотанковой установки мы взорвали еще две цистерны на складе ГСМ, четвертую сумели добить танкисты.

Я сходил в штаб и доложил начальнику артиллерии о том, что развернулся в указанном районе и выкопал позиции. Честно говоря, оборудованием позиций взводов я был недоволен, считая, что укрытия для машин вырыты мелко и окопы для стрельбы из стрелкового оружия тоже мелкие. Но я считал, что в процессе оборудования позиции мы этот недостаток устраним.

В течение нескольких дней полк перетянул все подразделения, которые оставались около станции Примыкание, в свой район. Сзади нас на поле встали два дивизиона: дивизион Чистякова, который был нам придан, и наш дивизион – Князева. Слева от позиций второго взвода и дальше встала восьмая рота Толика Соболева. Остальные подразделения третьего батальона подошлись к Чечен-Аулу еще на четыреста метров и уплотнили свои боевые порядки. Прибыл и мой третий взвод. Начали подходить и другие части. С развернутым флагом мимо нас с помпой проехал «разбитый» 245-й полк и ушел на Урус-Мартан. Зашел еще один мотострелковый полк и встал за нами фронтом на Новые Промыслы. Я как раз оказался на стыке полков. Правда, туда потом поставили один взвод восьмой роты, и теперь стало поспокойнее за свой тыл.

Так как вдоль моего расположения по асфальту проносились на большой скорости машины, я решил снизить их скорость, а то не дай бог сойдут кого-нибудь из моих солдат. Вокруг перекрестка было много брошенных легковых автомобилей, причем большинство из них были иномарки. Зацепив их за «Урал», я стащил машины на дорогу и выстроил из них примитивный лабиринт. Теперь машины, подъезжая к моему расположению, снижали скорость и медленно проезжали вдоль моего командного пункта. А я хвастался и гордился, показывая своим гостям коллекцию иномарок. Но продолжалось это всего три дня. В одну из ночей по всей моей коллекции проехали напрямую три танка и расплющили автомобили. Теперь на дороге громоздилась куча автомобильного хлама и хвастаться было нечем.

Жизнь в полку тоже постепенно налаживалась и как-то успокаивалась, что здорово расслабляло. Чеченцы прекратили активные боевые действия на нашем участке и действовали больше исподтишка. В основном работали снайперы, и каждый день наши потери составляли один-два человека убитыми и человек пять ранеными. Я первые несколько дней очень возмущался тем, что как только выйду на насыпь у арыка, так сразу же начинают посвистывать вокруг меня пули. Пехота от безделья на переднем крае изгалялась. Выставляли банки, бутылки и целыми днями стреляли, и я считал, что это пехота начинает стрелять к нам в тыл. Но оказывается, это были чеченские снайперы. Я зашел как-то в девятую роту, когда они перемещались на триста метров вперед. БМП зацепила вагончик, в котором проживали офицеры роты, и потащила его на новое место. На крыше вагончика в это время молодцевато стоял под солнцем полуголый солдат, уткнув руки в пояс. Внезапно он резко согнулся, схватился руками за живот и, как в замедленной съемке, упал на землю. Когда мы подбежали к нему, то оказалось, что ему в живот попала пуля.

Из-за безделья и в поисках новых острых впечатлений солдаты стали разбредаться по округе, шариться по деревням, и у нас появились первые без вести пропавшие. Как правило, их вылавливали оставшиеся местные жители в деревнях при мародерстве и зверски казнили тут же на месте. Потом изуродованные трупы мародеров мы часто находили в зеленках.

После завтрака, оставив за себя Кирьянова, я двинул в сторону штаба. Через пять минут свернул у «Быка с Бараном» к зданию, где размещался штаб. Как обычно, в глаза бросилась большая дыра в стене здания на месте бывшего кабинета директора племенной станции. Когда с ходу, после короткого боя, заняли племенную станцию, то командир с штабниками пошел выбирать место для штаба. На первом этаже было много обширных помещений: актовый зал, столовая с буфетом, огромная бухгалтерия. На втором и третьем этажах располагались небольшие помещения специалистов и руководства. Зашли в один из кабинетов с небольшой приемной на втором этаже.

– Товарищ полковник, как раз для вас кабинет, – наперебой заговорили сопровождающие.

Действительно, это был типичный кабинет руководителя. Сейфы, столы, стулья, телефоны и другие недешевые атрибуты. Окна выходили на Чечен-Аул и открывали взгляду красивую панораму окрестностей. Дверь справа вела в большую комнату отдыха, которая была тоже нехило укомплектована. Небольшая, уютная приемная. Но Петров походил, похмыкал, разглядывая помещения, и отказался. Приказал поставить свой кунг сзади здания и решил: «Буду здесь жить. Не лежит у меня сердце к этому кабинету».

И правильно сердце командиру подсказало: на следующий день духи первым же снарядом из танка попали в кабинет директора и все там разворотили. И теперь каждый день обстреливали из орудий расположение командного пункта полка и позиции артиллерии. Правда, били не прицельно, а по площадям. Но все равно эти обстрелы доставляли достаточно хлопот. Каким-то образом они вычислили, что совещания у нас проходят в девять часов и в семнадцать, и в это время снарядов падало гораздо больше.

На совещании командир полка довел до присутствующих происшедшие последние случаи и потребовал от командиров ужесточения воинской дисциплины. Когда разнос был закончен, командир уже в более спокойном тоне стал ставить задачи. Оказывается, завтра на место первого батальона будет становиться морская пехота, а первый батальон займет позиции правее третьего батальона и будет продвигаться в сторону Старых Атагов.

– Ну, а напоследок самое плохое. С завтрашнего дня и до 21 февраля в силу вступает перемирие между федеральными войсками и боевиками. Перемирие заключили Москва и Дудаев, и ничего здесь не поделаешь. Я всех призываю усилить бдительность и не расслабляться. Все вы, конечно, прекрасно понимаете, что боевики используют это время по максимуму для восстановления своих сил, укрепления позиций, восстановления связи и взаимодействия между собой. Я сомневаюсь, что они прекратят боевые действия, но на каждое открытие огня с нашей стороны будут реагировать как на грубое нарушение условий перемирия. Поэтому приказываю: огонь открывать только в случае явного нападения боевиков.

Совещание все покидали возмущенные тем, что наши демократы бездумно заключили перемирие, которое впоследствии будет оплачено кровью наших солдат и офицеров.

На вечернее полковое совещание я пошел пораньше и еще не успел подойти к зданию штаба, как духи начали вечерний обстрел командного пункта полка. Несколько снарядов упало в районе артиллерийских позиций и РМО. Один снаряд упал около бани саперной роты, а когда я уже был около кунга начальника артиллерии, меня обогнал совершенно голый человек, в котором я узнал начальника артиллерии группировки полковника Кальнева. Был он весь в грязи и возмущенно матерился. Забежал мимо растерявшегося часового в штаб и скрылся в комнате, где располагался его пункт управления огнем артиллерии. Несмотря на то что полковник Кальнев лишь неделю был с нашим полком, все его уважали и прислушивались к его советам. Когда-то он и Масхадов не только учились в одном артиллерийском училище, но и достаточно долго служили в одном полку и даже дружили семьями. И сейчас довольно часто, правда, только по делам, Кальнев выходил на частоту Масхадова и решал с ним текущие вопросы обмена пленными, убитыми. Зачастую и сам Масхадов выходил на его частоту, чтобы решить вопрос о двухчасовом перемирии, в ходе которого собрать с поля после боя убитых чеченцев. Вот и сейчас, когда я зашел в коридор штаба, из-за двери слышался возмущенный голос Кальнева:

– Ты чего творишь? Ты там своим уродам скажи, что когда я баню принимаю, пусть они не стреляют. А за то, что я сейчас голый и грязный, я вам отомщу...

Я приоткрыл дверь и заглянул к артиллеристам. Кальнев бросил наушники на стол и кинулся к телефону.

– Князев, давай врежь по центру Шали своим дивизионом, там сейчас Масхадов, а то он достал меня своими обстрелами. – Полковник послушал, что сказал ему командир дивизиона. – Да, да, семьдесят два снаряда по центру Шали. Взрыватель – осколочный и фугасный. Все, давай. Если кто спросит, говори: приказал Кальнев.

– Заходи, Копытов, – увидев меня, пригласил полковник и начал рассказывать: – Вышел я из баньки покурить, хорошо так попарился, а тут снаряд прилетает и взрывается прямо в луже с грязью, с навозом, и все это на меня. До того обидно, черт побери, – сказал и сам же весело рассмеялся. Удовлетворенно кивнул, услышав слитный залп дивизиона, надел свежие трусы и ушел в баню.

* * *

Утро было пасмурное и хмурое, под стать моему настроению. Возвращаясь с совещания, около автобусной остановки увидел пару незнакомых БТР и человек тридцать бродивших вокруг нее морских пехотинцев. Подошел к ним и спросил, кто старший. Ко мне

вышел заместитель командира взвода и доложил, что командир убит с их старшим на будущие позиции и скоро вернется. Я в свою очередь представился и сказал, что мне нужен их командир взвода для того, чтобы установить взаимодействие.

В этот момент и подошел командир взвода морских пехотинцев – старший лейтенант Виктор Явлинский. Он рассказал мне, что оборону будет занимать в двухстах метрах левее меня и командный пункт у него будет находиться в здании поливочной станции в трехстах метрах отсюда. После обеда я к нему подойду, и тогда мы решим все вопросы взаимодействия.

Еще когда я подходил к остановке, то обратил внимание на фашистскую каску, которая была закреплена на броне одного из БТР.

– Откуда она у тебя?

– Да это во время боев, в Грозном, грохнули одного духа, он в ней и бегал.

Мы разошлись. Явлинский повел своих на новые позиции, а я отправился к себе и попробовал заняться делами, но у меня не выходила из головы немецкая каска, и я все думал, как бы ее выпросить себе.

Сразу после обеда я отлил в отдельную бутылку коньяк, налил в другую емкость еще пять литров коньяка и отправился с визитом к старшему лейтенанту Явлинскому. Здесь я немного схитрил. Выставил на стол бутылку коньяка, а когда мы обсудили за столом все вопросы взаимодействия в случае нападения боевиков на меня или на него, я подарил ему еще пять литров коньяка от себя. Витька обрадовался, но с огорчением констатировал, что ему нечего подарить в ответ. И тут я горячо заговорил:

– Витя, подари мне каску, она тебе на фиг не нужна. Или вы ее потеряете, или твой боец какой-нибудь сопрет ее и увезет на дембель. Дома похвастается с неделю да и продаст за бутылку такому же балбесу. А я коллекционер, и у меня этого фашистского имущества полно. У меня она не пропадет и будет как память о совместных боевых действиях.

Явлинский заколебался, но из разговора с ним я уже знал, что снабжение боеприпасами у них налажено плохо, и когда я ему пообещал, что дам еще десять огнеметов и с другими боеприпасами у него проблем не будет, – он сдался. Солдат принес каску, и я ее надел: она была как будто на меня сделана, так удобно села на голову.

– Видишь, сзади дырочка от пули – это дух, когда от нас убегал, пулю в затылок получил.

Снял каску с головы и стал ее разглядывать. Темно-зеленая «родная» краска, на которой слева нанесен общевойсковой армейский знак – орел с зажатой в когтях свастикой. Подтулейные устройства тоже «родные»: на коже видно тиснение – изготовлено в 1940 году.

– Витя, я тебе за эту каску в любом вопросе помогу, – с чувством произнес я.

...Для меня наступили тяжелые дни. Солдаты нашли выход на коньяк, и в батарее то в одном взводе, то в другом начались пьянки. Если во взводе, который был со мной в одной землянке, бойцы остерегались выпивать, то в остальных двух взводах пили, не стесняясь командиров взводов. Особенно тяжелая обстановка в этом плане сложилась в третьем взводе. Лейтенант Мишкин и так был слабоват, а сейчас он вообще не пользовался авторитетом у солдат, и во взводе «рулили» пулеметчик Акуловский и командир машины Рубцов. Чтобы как-то разделить солдат третьего взвода, я стал посылать на сопровождение колонн в Моздок БРДМ командира взвода и с ним несколько его солдат. После этого обстановка во взводе немного стабилизировалась. Но залихорадило второй взвод. Причем до такой степени, что мне пришлось их снять с позиции раньше времени и поселить с собой. Командир взвода Коровин не смог справиться с ситуацией:

– А что я могу сделать, товарищ майор? Не могу остановить пьянку...

Когда я их поселил с собой, вроде бы накал страстей сбил. Солдаты опасались пить при мне, но продолжали пить втихую и приходили в землянку уже датые. Правда, вели себя при этом тихо, чтобы не привлекать к себе внимания, но я прекрасно видел их пьяные рожи.

Передали по радиостанции, чтобы я прибыл в штаб и забрал отца моего водителя рядового Большакова. Мы быстро переговорили и отправились назад в батарею. Вещей у него было немного, и ничего нам не мешало идти и разговаривать. Я рассказал о батарее, о его сыне. Попросил его выступить перед солдатами, особенно акцентируя на том, что употреблять спиртные напитки нельзя. По-отцовски выступить. Но, честно говоря, я не был уверен, что он сумеет найти такие слова, чтобы они задели солдат за душу. Был он невысокого роста, какой-то тихий, неуверенный. Хотя, с другой стороны, то, что он доехал сюда из Бурятии, минуя все препятствия и препоны, добрался до сына, показывало достаточно сильный характер. Что ж, посмотрим, испытаем его.

Я не стал мешать встрече отца и сына, которые обнялись, а через несколько минут вокруг них собралось большинство солдат батареи, чтобы пообщаться с земляком. Целый день они сидели в окружении солдат и угощались привезенными отцом продуктами, потом солдаты угощали его трофейными разносолами, и я опасался, как бы это не переросло в обычную пьянку. Но все прошло нормально.

После проведенного мною совещания в батарее я пригласил Григория Ивановича Большакова за наш стол и там в свою очередь угостил его, но уже с употреблением трофейного коньяка. Большаков выпил граммов сто и больше не стал пить.

– Григорий Иванович, вы в армии служили?

– Да, на Балтийском флоте службу проходил. Больше двадцати пяти лет прошло, а до сих пор помню.

– Вот сейчас еще лучше вспомните, – я взял со своей кровати автомат и ремень с подсумками под магазины. Все это было заранее по моему приказу подготовлено старшиной. Пододвинул к нему списки закрепления оружия и по мерам безопасности. – Распишитесь за автомат, за меры безопасности и вперед.

Большаков неуверенно хохотнул:

– Не понял, Борис Геннадьевич.

– Да, да, Григорий Иванович. Здесь война, и каждый должен свою лепту вносить. Ваш сын с двадцати трех до трех часов ночи заступает на ночное патрулирование района расположения. Вот и вы тоже с ним заступите. Я, командир батареи, тоже в 23 часа заступаю на патрулирование, но только, в отличие от солдат, до пяти часов утра. И так каждую ночь. Расписывайтесь и получайте.

Большаков-старший еще раз взглянул на меня, а потом решительно пододвинул к себе ведомость и расписался:

– Ну, вернусь домой, рассказов-то будет, но, наверно, никто и не поверит, – взял автомат и вернулся к сыну на нары.

Ночью первый батальон тихонько выдвинулся вперед и без шума занял позиции боевиков на перекрестке дорог Шали – Старые Атаги. После двухдневных наблюдений его командир Будулаев установил, что на ночь боевики, а это были в основном жители Старых Атагов, скрытно оставляют позиции и уходят ночевать домой. А рано утром, по темноте, возвращаются и занимают свои позиции. Этим и воспользовался командир первого батальона. Рано утром, когда сонные боевики приехали на позиции, они были мгновенно уничтожены, а один из них захвачен в плен. Так получилось, что боевика после допроса по каким-то соображениям не расстреляли. А днем я встретился в штабе с Будулаевым, он рассказал мне, что два часа тому назад из Старых Атагов, под белым флагом, пришла жена живого боевика. Шустрая баба: сначала со скандалом наехала на командира батальона, а потом обругала всех и предложила обменять своего мужа на пленного солдата. Будулаев согласился, но выставил

условие – если завтра в 11.00 солдата на перекрестке не будет, в 11.01 ее муж будет расстрелян прямо на перекрестке. На том и разошлись.

Интересно, что завтра будет? Сумеет она найти пленного и вовремя привести солдата? Завтра все узнаю.

Пришел в батарею, а там опять солдаты датые бродят. Блин, что делать, прямо не знаю. После обеда Кирьянов притащил сломанный пулемет. Его пехота сдала на склад, так как во время боя в ствольную коробку попали пули и рваные края пробоины якобы мешают ведению огня.

Кирьянов радостно суетился вокруг пулемета:

– Борис Геннадьевич, вранье, что боевики попали в пулемет. Смотрите, пули вот как вышли. Пехота сама, видать, пьяная и прострелила ствольную коробку. Наверно, пулеметчику надоело с ним бегать и захотелось автомат получить. Сейчас мы напильником вот здесь подточим, и у нас в батарее будет свой пулемет.

Через два часа, действительно, пулемет был готов к боевому применению. Мы тут же его испытали. Хорошая машинка. Особенно мне нравилось, когда он вел длинную очередь: как часики работал пулемет – ровненько.

На утреннем совещании командир сказал, что завтра приезжает с гуманитарной помощью комитет солдатских матерей из Бурятии. Поэтому солдат нужно привести в порядок: помыть, если есть возможность, переодеть в чистое обмундирование. Сформировать колонну, которая уйдет через два часа в Моздок за гуманитаркой и делегацией.

Целый день в батарее, да и не только в батарее все чистились и приводили себя в порядок. Но и потихоньку попивали спиртное. Целый день я шарился по батарее, но найти спиртное не смог. Днем отправил замполита на коньячный завод привезти оттуда сахара, а то он у нас был на исходе. Первый батальон оттуда уже ушел, и там лазили все кому не лень. Правда, коньяка уже не было: частью его выпили, частью вылили на землю, но разжиться кое-чем еще можно было. И в этот раз замполит приехал с богатой добычей. Привез он мешок сахара, в больших бутылках литров двести экстракта кока-колы и четыреста трехлитровых банок вина «Анапа». Все это перенесли в землянку: сахар и кока-колу поровну разделил между взводами.

Так как с питьевой водой у нас была напряженка, то солдатам я сказал, что каждый день утром, в обед и ужин сам лично буду разливать в кружки вино, чтобы его пили вместо воды. Я думаю, что это не является большим нарушением и не такой уж большой дозой, чтобы солдаты опьянели. Мое решение было встречено одобрительным гулом. Довольные тем, что мы теперь с сахаром, спустились в землянку и решили попить кофе. Вода согрелась быстро, и я на правах старшего первым набухал в аппетитно пахнувший напиток несколько ложек сахара. Размешал его и сделал первый большой глоток. От кислятины у меня свело скулы, но я уже успел проглотить жидкость.

– Алексей Иванович, – возопил я, отдышавшись и придя в себя, – ты чего привез? Это же лимонная кислота.

Кирьянов и Карпук, с испугом наблюдавшие за моей реакцией на кофе, одновременно сделали из своих кружек по маленькому и осторожному глотку. Тут же заплевались и облегченно перевели дух.

– Борис Геннадьевич, а я-то подумал, что отраву привез или какие-нибудь химикаты. Испугался. Там этих мешков навалом лежало, но точно были и с сахаром. Наверно, я спутал, но я сейчас смотаюсь и возьму сахар.

Мы засмеялись, услышав мат и смех от костра, на котором солдаты тоже готовили себе кофе.

Замполит опять укатил на коньячный завод и через час привез по мешку сахара на каждый взвод.

Вечером я пораньше пришел на совещание и остался ждать Будулаева на стоянке машин. Только он подъехал, как я подскочил к нему:

– Виталя, ну что? Давай рассказывай, сумела чеченка привести пленного солдата?

– Боря, представляешь, крутанулась баба. За ночь собрала две тысячи долларов у родни. Пошла к тем, у кого были пленные солдаты. Купила одного. Причем выбрала самого целого. Солдат оказался из 245-го полка, и в плен его взяли три дня тому назад. Вот он и рассказал, что его просто изуродовать не успели: взяли в плен и всего несколько раз избили, выбили только передние зубы, а тут его и купили. Других вообще искалечили. Ребра переломаны, яйца отбиты или вообще их нету – кастрировали. Как только рассвело, она солдата и привела. Мы вывели чеченца на перекресток, вышибли ему передние зубы, чтоб все поровну и по-честному было, и отпустили. Только предупредили, если опять попадется, то расстреляем на месте.

Наступил день приезда делегации из Бурятии. В двенадцать часов дня мимо нашего расположения медленно проехала колонна машин с гуманитарной помощью, отправленная за ней в Моздок. Солдаты радостными криками встретили ее и махали руками женщинам, сидящим в кабинах машин. Настроение у всех в батарее было праздничное, как в Новый год.

Я подал команду на построение батареи. Послал на позиции, чтобы командиры взводов оставили дежурные расчеты, а с остальными солдатами пришли на построение.

Батарея построилась, и я прошелся вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица солдат. Осмотр только подтвердил мое предположение: половина батареи была пьяна. Но солдаты, встречаясь взглядом со мной, приободрялись и старались показать себя трезвыми. Лишь рядовой Кушмелев вызывающе и насмешливо смотрел на меня, даже не стараясь скрыть опьянение: типа, ну что, комбат, а мы опять пьяные, и что бы ты тут ни говорил, ничего с этим ты не поделаешь.

Неприкрытая насмешка солдата еще больше разозлила меня:

– Рядовой Кушмелев, выйти из строя. Постойте здесь, товарищ солдат, и послушайте командира батареи.

Солдат вышел и продолжал насмешливо, но уже и снисходительно улыбаясь, наблюдать за мной.

Я начал говорить, и чем больше говорил, тем больше горячился. Горячился от того, что видел, как мои слова не могли пробиться к душам солдат. Видел их непроницаемые лица. Никакого раскаяния от того, что они пьяны, что комбат мечется и бесится от бессилия изменить положение вещей. Кушмелев все откровеннее ухмылялся, наблюдая за моими метаньями вдоль строя. Я внезапно остановился напротив него и вперил свой бешеный взор в его наглые глаза. Он выдержал мой взгляд, и торжествующая улыбка еще больше раздвинула его губы. Это стало последней каплей в чаше моего терпения. Я шагнул вперед, резким движением поднял руки и большие пальцы обеих рук вогнал в уголки рта, растянув в разные стороны губы до предела. Увидев дрогнувшие в испуге глаза солдата, я зарычал ему в лицо:

– Сучонок, комбат бежит перед строем, рвет свое сердце, пытаясь достучаться до вас. А ты ухмыляешься здесь. Только попробуй еще раз ухмыльнуться, и я тебе рот до ушей разорву. Ты что, сука, думаешь, что я развлекаюсь здесь перед строем? Мне приятно это делать? Да я заколебался работать с вами.

Я замолчал, переводя дух, но не отрывая взгляда от глаз солдата. Потом, совершенно не думая о последствиях, резко и сильно ударил Кушмелева головой в лоб. Удар был такой силы, что у меня на несколько секунд все поплыло перед глазами, но это состояние быстро прошло. У Кушмелева от удара кокардой моей шапки расколо кожу на лбу, и оттуда обильно пошла кровь. Взгляд у него затуманился, но насмешки уже не было, а только один страх. Я выдернул пальцы изо рта солдата, злость мгновенно улетучилась, осталась только усталость:

– Что хотите думайте обо мне, но с пьянкой в батарее я буду бороться. С этого момента я в батарее объявляю сухой закон. И начинаю с себя. Старший лейтенант Кирьянов, притащите сюда мой коньяк.

Через две минуты две двадцатилитровые канистры с коньяком стояли рядом со мной. Я открыл их и ударом ноги опрокинул на землю. В воздухе резко запахло спиртным, и пахучая жидкость начала бурно выливаться на землю. Я вытряхнул последние капли из канистр.

– Все – сухой закон. Офицеры тоже не пьют. Сержант Торбан, окажите медицинскую помощь Кушмелеву. Остальным разойтись.

Я подошел к отцу Большакова, который наблюдал за происходящим:

– Что, Григорий Иванович, осуждаете меня, наверно?

Большаков вздохнул:

– Если бы я узнал об этом там, в Бурятии, я, конечно, осудил бы вас. Но побывав здесь, увидев все это, я не одобряю вас, но в то же время не могу и осуждать. Я ведь прекрасно понимаю, что вы так поступаете не от того, что у вас было желание избить подчиненного. Ведь вы, замполит, командиры взводов делаете все, чтобы сохранить солдат целыми и невредимыми. А пьяный солдат, да еще с оружием в руках, это источник угрозы и опасности. Я тут уже третий день и постоянно им пытаюсь то же самое вдолбить. Они вроде бы соглашались, но все равно пьют. Только сына своего и сумел удержать от выпивки. Вы тоже со своей стороны не обижайтесь на них: гоняйте их больше, и вы добьетесь своего. Солдаты очень уважают вас.

Торбан наложил повязку на голову Кушмелева, и тот теперь бродил по расположению. Вокруг него периодически кучковались солдаты, что-то возбужденно обсуждая. Через час он на тридцать минут удалился в другие взводы, потом вернулся, и опять вокруг него закрутились солдаты. Я издали наблюдал за этими непонятными переговорами и перемещениями, понимая, что солдаты обсуждают произошедшее на построении и готовят какой-то сюрприз.

Под вечер из штаба вернулся замполит и сразу подошел ко мне:

– Борис Геннадьевич, чуть не забыл: вас вызывает к себе командир полка.

Только я появился у входа в штаб полка, как оттуда вышел командир:

– Копытов, ты как раз вовремя. У тебя в батарее солдат есть. Все фамилию забываю. А вместе с делегацией приехал отец этого солдата, вон как раз он и идет.

Из кочегарки, где размещалась офицерская столовая, вышел здоровенный мужик в камуфляже и, вытирая рот носовым платком, направился к нам. Когда он приблизился, на его плечах я увидел майорские звезды.

– Павел Павлович, помещение вам подготовили. Сейчас сына вашего из батареи вызовут. А это командир батареи – майор Копытов. Можете пообщаться с ним.

Майор протянул мне такую же здоровенную руку:

– Кушмелев Павел Павлович.

У меня дрогнуло сердце, перед мысленным взглядом промелькнул его сын с перевязанной головой, но пожал руку и спокойным тоном представился:

– Майор Копытов Борис Геннадьевич.

Кушмелев повернулся к Петрову:

– Нет, я в батарее буду жить, там с комбатом и общаюсь. Надеюсь, мне место там найдется? – Это он уже обратился ко мне.

– Конечно, Павел Павлович. Какие проблемы? Берите вещи и пойдете.

Через десять минут я и Кушмелев шли по дороге в батарею. Сзади пыхтели два солдата, которые тащили за нами здоровенную сумку.

– Ну, как мой сын служит? Как тут обстановка? – поинтересовался Павел Павлович.

– Придем на батарею, там сын вам все и расскажет, – уклонился я от ответа.

Остановились у землянки, и солдаты с облегчением опустили сумку на землю, а из землянки на шум выскочил Алушаев, которого я тут же отправил за Кушмелевым.

Павел Павлович с любопытством оглядывал расположение, потом я показал, где проходит передний край боевиков, а сам с беспокойством ожидал появления Кушмелева-младшего.

– Папа, ты, что ли? – раздался сзади радостно-изумленный голос солдата. Мы обернулись. – Ни фиги себе, я и думать не думал тебя здесь увидеть.

– Ну, здорово, сын, – они обнялись, потом Павел Павлович отодвинул от себя сына. – Что у тебя с головой, ранили, что ли?

Солдат с превосходством и вызывающе посмотрел на меня, со значением сказав:

– Да это так, я тебе потом расскажу... Все расскажу...

Они отошли в сторону и начали прохаживаться по расположению. Я же спустился в землянку, где меня ждали офицеры батареи. На совещание сегодня идти не надо было, поэтому командир полка в двух словах сказал мне, что завтра делегация будет в каждом подразделении. Поэтому везде навести порядок.

Поставив задачу, я распустил командиров взводов и сидел на кровати, наблюдая за солдатами второго взвода, которые сидели без обуви на нарах, весело обсуждая полученные из дома письма и подарки.

В землянку с шумом ввалились майор Кушмелев с сыном.

– Борис Геннадьевич, где мое место? – весело спросил Павел Павлович.

Я с облегчением вздохнул и показал на кровать Карпука:

– Вот здесь и располагайтесь.

«Значит, сын отцу ничего пока не рассказал», – мелькнула у меня мысль.

Павел Павлович сел на кровать и стал доставать из сумки колбасу, копчености и другие вкусные вещи. Все это он передавал сыну, а тот раскладывал продукты на нарах перед своими товарищами. Посчитав, что солдатам хватит, Павел Павлович очистил от лишнего стол передо мной и стал на нем раскладывать остальные продукты и аккуратно нарезать их ломтями. Потом торжественно достал полторалитровую бутылку и стал ее открывать.

– Борис Геннадьевич, Алексей Иванович, Игорь – прошу за стол, – Павел Павлович сделал приглашающий жест.

Игорь с Алексеем Ивановичем нерешительно переглянулись, и в землянке повисла напряженная тишина. Я кашлянул в кулак, прочищая горло:

– Павел Павлович, тут такое дело: в связи с некоторыми обстоятельствами в батарее с сегодняшнего дня я ввел сухой закон. Так что мы покушаем, но пить не будем.

– Борис Геннадьевич, я через половину страны тащил эту бутылку, чтобы выпить с командиром моего сына, а тут какой-то дурацкий сухой закон, – отец солдата огорченно поставил открытую бутылку на стол.

Я молча развел руками, как бы показывая, что ничего не имею против, но приказ есть приказ.

В повисшем молчании с нар неторопливо слез Кушмелев-младший и, не стесняясь, подошел к столу. Сел на ящик, заменяющий стул, и в гробовой тишине спокойно налил в стакан спиртное из отцовской бутылки. Уверенно взял в руки, покрутил его в пальцах и насмешливо посмотрел на меня сквозь стекло и прозрачную жидкость.

Я внутренне подобрался: «Если этот наглец выпьет сейчас водку, не посмотрю, что рядом с ним его отец – врежу ему так, что мало не будет, но покажу, кто в батарее хозяин. Теперь-то понятно, чего он шушукался с солдатами». Эти мысли как молнии мелькнули у меня в голове, и я приготовился к схватке. Насторожились и внутренне подобрались замполит с техником. Солдат опять насмешливо посмотрел на меня и потом решительно пододвинул ко мне стакан.

– Товарищ майор, мы тут между собой обсудили все, что вы сказали нам на построении, и решили: сухой закон на вас и офицеров батареи не распространяется, ну а мы уж больше пить не будем. Так что пейте на здоровье, – солдат еще ближе пододвинул ко мне стакан, встал из-за стола и вернулся на нары. Павел Павлович смущенно хмыкнул, быстренько налил себе, технику и отцу Большакова.

В течение часа мы сидели за столом, потихоньку выпивали, я рассказывал Кушмелеву о том, как мы готовились и воевали. Солдаты сидели на нарах и тоже с любопытством прислушивались к моему рассказу о боевых действиях полка.

В конце рассказа я вытянул из-за кровати пулемет:

– Ну, и в дополнение ко всему сказанному, на время пребывания в батарее вы, товарищ майор, подчиняетесь всем моим приказам и за вами закрепляется пулемет. Пользоваться умеете?

Павел Павлович подтянул к себе пулемет и стал задумчиво его рассматривать:

– В принципе знаю, но нужно дополнительное занятие.

Через пять минут он и Кириянов с увлечением разбирали и собирали пулемет, щелкали затвором. Павел Павлович брал навскидку и, пытаясь прицеливаться, водил стволом пулемета из стороны в сторону, опустив его на уровень бедер, пока не выбрал положения, из которого было удобно стрелять и держать оружие.

– А пострелять можно? – возбужденно спросил он.

– Завтра. Завтра, Павел Павлович, замполит выведет на передок, там и постреляете. А пока ночь отдежурите без стрельбы.

Пара дней прошли нормально, но сегодня ночью, уже под утро, внезапно вспыхнула стрельба в районе взводного опорного пункта восьмой роты, который встал на стыке полков. Мы переполошились, развернулись в ту сторону, но стрельба как вспыхнула, так же внезапно и прекратилась. Утром пришел оттуда Толик Соболев: какая-то группа пыталась пробраться в нашу сторону со стороны Грозного и наткнулась на пехоту. В результате скоротечного боя с обеих сторон потерь не было. Неизвестные отошли обратно.

Кушмелев и Большаков после обеда ушли в штаб полка, решать вопросы убытия домой. Завтра делегация после обеда уезжала в Моздок, чтобы оттуда вечером вылететь в Улан-Удэ. Вместе с ними решил ехать и Большаков-старший. Честно говоря, я привык к обоим, особенно к Павлу Павловичу, который как-то сразу влился в наш коллектив и принимал активное участие в жизни батареи. Большаков несколько сторонился нашей компании и был больше с сыном.

Завтра также кончалось и перемирие между нашими войсками и боевиками. Вечером они влезли в мою радиосеть и стали, как обычно, угрожать нам. Врубив на радиостанции максимальную громкость, я предложил послушать боевиков обоим отцам. Несколько духов, перебивая друг друга, на разные лады рассказывали, что в ночь с 22 на 23 февраля они нам устроят «ночь длинных ножей» и всех вырежут, тем самым они почтят память предков, которых 23 февраля 1944 года советская власть силой вывезла в различные районы СССР. Выслушав эту белиберду, я в течение нескольких минут препирался с духами, приглашая ночью к себе, чтобы разом их истребить, а не вылавливать по всей Чечне. Все кончилось, как обычно – взаимными оскорблениями и угрозами. Но впечатление на родителей этот обычный треп врагов произвел гнетущее. Ночью они несли службу более добросовестно и серьезно и требовали такой же службы от других.

День наступил солнечный, теплый и не предвещал ничего неожиданного. Но в одиннадцать часов внезапно на южном выходе из Чечен-Аула разгорелся нешуточный бой между боевиками и третьим батальоном. Два танка духов с небольшим количеством автоматчиков выскочили на окраину и открыли огонь по переднему краю батальона. Мы стояли на насыпи и напряженно смотрели на поле боя, где в дыму и в пыли разрывов крутились два танка

противника. Туда же били и наши танки, метались трассы от зенитных установок, но без результата. Я выгнал одну установку на насыпь и примеривался к тому, чтобы пустить по чеченским танкам ракету, когда на насыпь Алушаев притащил радиостанцию и протянул мне наушники:

– Товарищ майор, командир полка вызывает.

– Альфа 01, я Лесник 53. Прием.

– Лесник 53, бой на южной окраине видишь?

– Да, Альфа 01.

– Танки противника видишь?

– Да.

– Поразить со своей позиции сможешь?

– Могу, но очень рискованно, можно в дыму и пыли спутать чеченские танки со своими.

– Хорошо, тогда не надо. Наблюдай. Конец связи.

Бой не утихал и гремел с прежней силой.

– Борис Геннадьевич, может быть, все-таки ударим туда ракетами, а то я так и уеду, не побывав в бою? – Кушмелев-старший был возбужден, и ему не стоялось на месте.

– Павел Павлович, нет, рискованно. Но мне кажется, что мы еще поучаствуем.

Я как сглазил. Слева, с позиций морских пехотинцев, слышались разрывы снарядов. Мы все повернули туда головы и увидели опадавшую землю от разрывов. Судя по разрывам, снаряды были от 122-миллиметровых гаубиц. Еще два разрыва легли среди окопов. Значит, где-то на окраине Чечен-Аула сидел артиллерийский корректировщик чеченцев.

– Всем наблюдать за окраиной деревни. Искать наблюдательный пункт духов, – подал я команду.

Все зашарили глазами по Чечен-Аулу, и через три минуты радостный вопль Кириянова возвестил о месте нахождения НП:

– Борис Геннадьевич, на мечети они!

Только Алексей Иванович прокричал о местонахождении, как я сам в бинокль увидел чеченцев. Их там было четыре человека.

– Некрасов! Верхушка мечети – навести! Огонь по моей команде.

Сержант, как всегда, уловил все с первого слова и нырнул в люк, я же кинулся к радиостанции. Существовал приказ: по мечетям и кладбищам не стрелять.

– «Альфа 01», я «Лесник 53», обнаружил НП противника на мечети, – только я произнес последнее слово, как меня по ноге сильно пнул Кириянов: зачем говорить где. Но я махнул на него рукой. – Разрешите открыть огонь по мечети?

Получив тут же «добро», я скомандовал в радиостанцию:

– Некрасов, огонь!

Ракета сорвалась с пусковой и помчалась по восходящей траектории к цели. Но духи, наверное, слушали наш эфир. Только я произнес слово «огонь», как они стремглав ринулись по лестнице вниз, бросив наблюдательные приборы, и выскочили на третий этаж минарета, примыкавшего к мечети. Ракета попала в пустой уже верх и разнесла верхушку минарета. Некрасов, увидев бегство боевиков с верха, тут же пустил ракету по третьему этажу, но духи помчались еще ниже, и ракета опять разорвалась безрезультатно, лишь разрушив частично третий этаж. Третья ракета попала в опять пустой второй этаж, подняв в воздух клубы красной кирпичной пыли. Некрасов, высунувшись по пояс из люка, вопросительно смотрел на меня. Я размышлял лишь пару секунд.

– Некрасов, четвертой ракетой бей в окно чердачного помещения мечети, посмотрим, что там.

Ракета, пробив окно, залетела внутрь, под крышу. Мы все ожидали, что от взрыва внутри вздыбится только часть шиферной крыши, но такого мощного взрыва не ждали. У

духов, наверно, там стояли емкости с горючим, отчего вся крыша взорвалась, превратившись в один стремительно расширяющийся огненный шар, из которого в разные стороны вылетали осколки шифера, а то и целые куски, падая вниз щедрым дождем на большом расстоянии от здания.

– Вот это да! – в восторге завопил Павел Павлович и так сильно ударил меня по плечу, что я чуть не свалился с насыпи в арык.

Мы повернулись в сторону позиций морских пехотинцев и наблюдали за ними несколько минут. Снаряды больше туда не падали: значит, это и был наблюдательный пункт чеченских артиллеристов.

– Товарищ майор, у меня еще одна ракета осталась. Куда ее? – крикнул мне сержант с пусковой установки.

И тут я не колебался. Еще когда сделали первый пуск по минарету, я в бинокль увидел на кладбище, на пороге сторожки наблюдателя, за которым мы давно охотились. Он и сейчас смотрел на наши позиции, даже не скрываясь, держась одной рукой за дверь.

– Некрасов, через кусты, по духу, на крыльце сторожки.

– Борис Геннадьевич, где? Где? – затеребил меня за рукав Кушмелев.

Показав ему боевика, мы стали наблюдать за полетом ракеты, которую Некрасов уже запустил. Я не надеялся, что Некрасов сможет провести ракету через кусты, так густы они были. Но сегодня удача была на нашей стороне. Ракета, благополучно миновав ветки, попала в крыльцо и красиво взорвалась, подняв тело духа на воздух и на несколько метров отбросив его за сторожку. Больше мы его там не наблюдали. А танки и автоматчики чеченцев, отступив обратно в деревню, прекратили огонь, и бой сам собою закончился.

...Наступило время прощаться. Вещи отъезжающих вынесли к дороге, и я по просьбе Кушмелева-старшего построил батарею. Павел Павлович встал на середину строя, откашлялся:

– Всегда и всему приходит конец. Заканчивается и наше пребывание. Честно хочу сказать, что мы с Григорием Ивановичем остались бы еще с вами повоевать. Нам понравилось у вас. Понравилось, как вы живете, чем вы живете. Понравилась ваша батарея, ваш крепкий воинский коллектив, понравились ваши командиры, но цель свою мы выполнили: приехали, посмотрели на вас и уезжаем успокоенные и обо всем увиденном обязательно расскажем вашим родителям. Такое же впечатление и у всей делегации в целом за весь полк. Помимо главной задачи – доставить вам посылки и небольшую помощь родины, мы хотели разобрататься в ваших офицерах. Мы разговаривали, общались с вами, но больше всего присматривались к вашим командирам. И вот что хочется сказать по этому поводу. Если вы будете слушать своих командиров, выполнять все их требования и указания, то мы уверены, что вы вернетесь домой живыми и здоровыми. Мы убедились, что ваши командиры имеют моральное право вести вас в бой и имеют для этого достаточные знания и опыт. Мы также с Григорием Ивановичем призываем вас не пить. Не пейте эту гадость, никогда водка не доводила людей до добра. Помните, не стоит из-за пяти минут радости приносить горе своим близким. Пьяный человек на различные ситуации реагирует совершенно по-другому, чем трезвый. И последнее: Борис Геннадьевич, наверно, ломает голову над вопросом: знаю я или не знаю, что это он разбил лоб моему сыну. Знаю, Борис Геннадьевич, и не осуждаю. Мы понаблюдали за вашим командиром батареи и решили с Григорием Ивановичем, что передаем ему свои отцовские права. Борис Геннадьевич, если наши дети – а я тут говорю не только от себя, но и от других родителей, – так вот, если наши сыновья не понимают слов, то мы разрешаем настучать им по лицу и другим частям тела. И ничего тут страшного нет, пусть вам лучше морду начистят, но зато вы приедете домой живыми и здоровыми. Только, Борис Геннадьевич, не переборщи: не ломай челюсти, ребра, они дома пригодятся, – по строю прокатился смехок. – Все ваши письма, я обещаю, будут доставлены вашим родным и близким.

Павел Павлович замолчал и уступил место Большакову. Григорий Иванович был лаконичнее:

– Я поддерживаю все, что здесь сказал Павел Павлович.

Настал мой черед, я тоже не был многословен:

– Павел Павлович, Григорий Иванович, можете ехать спокойными. Все, что зависит от нас, офицеров, чтобы сохранить ваших сыновей, будет сделано на сто процентов и даже больше. Я думаю, что та работа, которая была проведена вами с солдатами, не пропадет зря. Наш девиз остается прежним – «Вместе вошли, вместе и вышли». А сейчас разойдись, можно попрощаться.

Строй рассыпался, солдаты и сержанты окружили уезжающих земляков и стали прощаться, а через десять минут со стороны штаба подкатила небольшая колонна с делегацией. Еще несколько минут прощания, и только пыль, медленно оседающая на дорогу, и исчезающие машины на окраине Гикаловского напоминали об ушедших. Из-за автобусной остановки вышел Явлинский, он там стоял, не мешая прощанию. У него все нормально. На позиции упало в общей сложности двадцать снарядов, но никого не задело. Я же в свою очередь рассказал о чеченских корректировщиках.

До вечера солдаты грустно бродили по расположению, а потом ночное дежурство и предпраздничный день все расставили на свои места. После завтрака Кирьянова вызвали в штаб, где он оказывал помощь политработникам в организации небольшого праздничного концерта. Там же ему по секрету сказали, что его и еще нескольких военнослужащих награждают медалями. Группировка выделила двадцать советских медалей и разрешила командиру полка наградить военнослужащих своим решением.

К вечеру погода стала портиться, повалил мокрый снег, который тут же таял, а часа в три ночи ударил морозец – градусов пять. Все замерзло. Небольшой ветерок шевелил ледяными ветками, и от этого отовсюду слышался тихий стеклянный звон. Время от времени я запускал из ракетницы ракету и несколько секунд мог наблюдать красивое зрелище: белый снег, покрывший землю, склонившиеся подо льдом ветви деревьев, и все это блестело, переливаясь разноцветными бликами, в свете ракеты. Было промозгло и холодно. Но, несмотря на холод и сырость, меня не покидало предпраздничное настроение.

Поставив задачу не ослаблять наблюдение, я пошел к морпехам. Прошел по мосту (кстати, единственный целый мост и самый короткий путь, через который техника боевиков могла из Грозного прорваться в Чечен-Аул), обороне его я уделял особое внимание. Перейдя мост, свернул влево, вдоль арыка прошел метров четырехста и подошел к зданию поливочной станции, где располагался командный пункт старшего лейтенанта Явлинского. Здесь все уже было готово – стол был накрыт, и ждали только меня. Витька Явлинский тоже постарался. На столе стояла кастрюля с ухой. Рыбу добыли тут же в арыке, глушили ее гранатами, и я даже подумать не мог, что в арыке водится такая большая рыба. Много было мяса и других продуктов. Ну, и все тот же коньяк.

Вчетвером мы весело расселись за столом. Алексей Иванович достал свою медаль, полученную на торжественном собрании, и положил ее в кружку. Я же наполнил ее только наполовину. Конечно, ее нужно было бы по традиции наполнить до краев, но учитывал, что мы на войне и напиваться нельзя. Другим я налил граммов по пятьдесят.

Я встал:

– Алексей Иванович, поздравляю тебя с первой правительственной наградой и желаю тебе, чтобы она не была последней.

Кирьянов встал, поднял кружку, обеспокоенно заглянув в нее, и тоскливо поглядел на нас. Я его понимал: он очень мало пил и даже полкружки выпить для него было проблемой. Но традиция есть традиция. Я кивнул ему:

– Давай, Алексей Иванович. Давай, дорогой.

– Товарищи офицеры! Представляюсь по случаю награждения правительственной наградой, – замполит произнес стандартную формулу, сильно выдохнул воздух, поднял кружку и мелкими глотками стал пить коньяк. После того, как коньяка не останется, он ртом должен выловить в кружке медаль. После этого считается, что медаль обмыта.

Мы все смотрели и переживали за то, как трудно и долго он пил. Прекратил пить и застыл. Медленно опустил кружку на стол. Видно, как внутри его организма шла борьба между ним и коньяком. Спиртное рвалось обратно, и Алексей Иванович боролся с этим.

Я забеспокоился и, не сводя глаз с замполита, стал отодвигаться:

– Алексей Иванович, не надо... прошу тебя, не надо...

Но было поздно, я резко оттолкнулся от стола, и вовремя: Кирьянов в спазме открыл рот и изверг из себя на стол фонтан. Игорь и Витька, опрокидывая табуретки, тоже благополучно отскочили от стола. Вся закуска была безнадежно испорчена, а Алексей Иванович стоял у стола и виновато вытирал рот:

– Борис Геннадьевич, я не мог удержаться.

– Ладно, Алексей Иванович, не расстраивайся. Мы сейчас все это уберем, но это незначет. Потренируешься и назначишь день, когда мы сделаем еще одну попытку обмыть медаль.

Все засмеялись. Явлинский отдал приказ, и через несколько минут все было убрано, на столе стояла свежая закуска. Разлили по пятьдесят граммов, выпили за праздник, затем еще по пятьдесят граммов за победу.

Глава вторая МТФ

– Копытов, смотри сюда, – командир полка взял карандаш и очертил им овал на стыке первого и третьего батальонов. – Боря, завтра к вечеру встанешь двумя взводами вот здесь, напротив МТФ, и усилишь оборону на этом участке. Сейчас на этом участке переднего края сосредоточены значительные силы боевиков – то ли для внезапной контратаки, то ли для обороны МТФ и моста через реку Аргун на Шали. Место горячее, так что будь там осторожнее. Завтра с утра начнешь перемещаться, а вечером на совещании мне докладываешь о размещении на месте. Да, третий взвод оставишь на перекрестке, за мостом. Задача у него прежняя: оборонять дорогу на Чечен-Аул.

Приехав в расположение, я на общем построении довел до батареи новую задачу, чем взбудоражил личный состав. Все были рады переехать на новое место, где будут новые впечатления. День прошел в сборах, снимали маски, грузили лишнее имущество. С собой на новое место я забирал второй и третий взвода. Первый оставлял на перекрестке. Командир взвода старший лейтенант Жидилев – серьезный мужик и способен принять правильное решение в случае критической ситуации, да и взвод у него все-таки надежный.

Прибыв на новое место, я первым делом осмотрелся и остался доволен осмотром местности. На месте будущего командного пункта батареи сходились три зеленки и две грунтовые дороги, тут же проходил на метровой высоте и воздушный арык из бетона. И, что меня особенно порадовало, рядом с новым командным пунктом батареи располагался наблюдательный пункт Виктора Черепкова. Сразу же за зеленкой, она была шириной двадцать метров, определил взвод Коровина, а третий взвод поставил в двухстах метрах впереди и правее, сразу же за полуразрушенным бетонным арыком. В ста пятидесяти метрах слева от меня на поле, закрытом зеленкой, располагался командный пункт танкового батальона. Туда я и направился. С командиром батальона, Толей Мосейчуком, я обговорил все детали взаимодействия и попросил у него БРЭМ с «лопатой» для того, чтобы выкопать землянки. Подогнал машину и сначала выкопал большую и глубокую канаву под свою землянку, а потом для второго и третьего взводов. Приехал старшина и привез, как всегда, вкусный обед. Погода была солнечная и теплая, располагающая к выпивке. Мы расставили в бетонном арыке стол, сняли верхнюю одежду, я позвал Черепкова, немного выпили вина и с аппетитом перекусили, после чего я пошел в мотострелковый взвод, который занимал оборону впереди второго взвода в пятидесяти метрах, для того чтобы с командиром взвода также установить взаимодействие. Его палатка стояла прямо в зеленке. Одним краем зеленка выходила к моему КП, а другим уходила за передний край боевиков и была слабым и опасным местом в обороне.

Я обговорил с командиром взвода все вопросы взаимодействия в случае нападения боевиков и ушел к себе. Строительство землянок шло полным ходом. Алексей Иванович выставил на дне вырытой канавы поперек ящики из-под ПТУРов, заполнил их землей, и получилась стенка. Сверху положил несколько толстых досок и накрыл все это большим брезентовым тентом. Получилась просторная и теплая землянка. У деревянной стенки я поставил свою кровать, набил гвоздей в стенку для оружия и одежды, а замполит и техник поставили кровати вдоль земляных стенок. Между кроватями установили стол. Остальное место мы предоставили для оборудования нар для Чудинова, Алушаева и Торбана: они будут жить вместе с нами. Старшину я отправил на усиление в третий взвод, пусть там живет и помогает командиру взвода. Обустроились и остальные взводы.

В 23 часа я, как обычно, вместе с Торбаном вышел на патрулирование. Забрался в бетонный арык и стал прохаживаться по нему: тридцать метров вперед, тридцать метров

назад. Двигался я бесшумно, чутко вслушиваясь в ночные звуки. На старом месте с насыпи я мог наблюдать практически все вокруг и пользоваться ночным биноклем, а вот здесь с двух сторон поле зрения ограничивали две зеленки, проходящие в двадцати метрах от нас и закрывающие передний край боевиков. Поле между нами и боевиками не было заминировано, это я уточнил у саперов, поэтому вся надежда была на сторожевые посты пехоты, а я им не верил. И на патрули своих взводов. Боевики незаметно и беспрепятственно могли подобраться к нам почти вплотную и атаковать, так что место действительно было опасное. В основном приходилось полагаться на слух, ночной бинокль я отдал во второй взвод – им он был нужнее. Ночь прошла спокойно, и в восемь часов я выехал на совещание. Только выехал на поле, как в ста метрах поднялись два минометных разрыва, я присел в люке, пережидая пение летящих осколков, и опять высунулся. Следующие два разрыва легли дальше, но ближе к дороге. Ничего себе, как это духи стреляют так точно вслепую? Ведь между мной и ними зеленка, и они не видят ни меня, ни командира танкового батальона, который ехал на совещание на «КамАЗе» впереди меня в трехстах метрах.

На совещании командир полка сообщил, что 6–7 марта из Екатеринбурга прилетает начальник штаба округа и с ним ряд офицеров; вполне возможно, от артиллеристов будет Гвоздев, получивший звание генерал-майора. И в это же время планируется показать им наступление полка на МТФ с последующим взятием берега реки Аргун и моста через нее. Из этого вытекали и задачи: усиление разведки позиций боевиков. Поиски слабых мест в обороне противника, выявление огневых точек.

Перед обедом от Черепкова прибежал солдат и позвал к командиру батареи.

– Боря, хочешь духа увидеть? – спросил меня Виктор, когда я уселся рядом с ним в башне машины командира батареи.

После совещания я в течение часа изучал в бинокль передний край боевиков, но не заметил ни одного из них. Хотя пули иной раз посвистывали надо мной. Поэтому предложение посмотреть на боевика принял с радостью. Черепков навел оптический прибор и предложил взглянуть. Я прильнул к окулярам и увидел бетонный забор, а на его фоне периодически появлялась лопата, выкидывающая очередную порцию земли из окопа. Повернув прибор вправо и влево, я сориентировался, где боевик копал окоп, и тут же увидел другого боевика, который короткими перебежками продвигался вдоль забора к копавшему духу. Только я хотел предложить накрыть боевиков огнем батареи, как снаружи послышался выстрел из танковой пушки, и снаряд разорвался прямо под ногами боевика. Тело чеченца взлетело вместе с землей от взрыва и улетело за забор. Через мгновение послышался второй выстрел, и в том месте, где мелькала лопата, поднялся второй столб дыма, огня и земли. Наверно, для закрепления танкист положил туда еще один снаряд. Больше смотреть было не на что. Боевика в окопе если и не убило, то контузило капитально, и он не боец на достаточно долгое время.

С сожалением я покинул командно-штабную машину командира батареи. Сидишь в кресле в тепле и сухости, тебя не мочит ни дождь, ни снег, не продувает холодный ветер. Крутишь себе башню вправо, влево и ведешь разведку. Нашел цель, тут же по радиостанции вызвал огонь батареи или дивизиона и дальше ведешь разведку. Так воевать можно. Хотя я не завидовал, мне нравилась моя противотанковая батарея. От Черепкова я пошел к комбату танкистов и выяснил, что Толя тоже заколебали эти минометные обстрелы.

– Боря, как только собираюсь ехать в штаб, так обязательно из миномета обстреляют, – возмущался комбат.

Задав несколько вопросов, я выяснил, что Толя на утреннее и вечернее совещания выезжает со своего КП в одно и то же время.

– Толя, а ты не думаешь, что они знают о времени полковых совещаний? Знают о том, что тут стоит КП одного из батальонов. Вот и приноровились сюда стрелять. Значит, их лазутчики по ночам здесь шастают. Как тебе такой вывод?

Мосейчук pokrutil головой:

– Боря, сегодня и проверим. Приходи ко мне, посмотрим, что будет, а потом на моем «КамАЗе» поедem на совещание.

В половине пятого я был у Мосейчука. Мы сидели на табуретках перед палаткой комбата и, разговаривая, смотрели на поле. Без пяти пять на поле упали три мины и разорвались у дороги. Еще две мины разорвались прямо на дороге, но дальше на двести метров. Толя витиевато выругался и развел руками:

– Знают они, Боря, о совещании. Теперь придется ездить вдоль зеленки, а в конце сворачивать на перекресток.

Но это были благие намерения. В последующие дни мы с Толиком ехали на совещание и обратно по той же самой дороге. Каждый день играя со смертью в прятки, с упорством игрока испытывая судьбу. Когда мины накрывали нас, а когда падали далеко от дороги. Но ни разу у нас не мелькнула мысль изменить раз и навсегда заведенный порядок. До нашего приезда на этом участке обороны полка активность проявляли только танкисты. Они дежурили на переднем крае, вели разведку целей и если находили их, то сразу же уничтожали. Появилась противотанковая батарея, и мы тоже активно вошли в это противостояние. Мои солдаты и офицеры часами сидели и пялились в бинокли, оптические прицелы, вычисляя позиции боевиков, и били туда ракетами или пытались достать из пулеметов. Пехота не участвовала в этом противостоянии: ходили, как слоны, по позициям, даже не прячась. Если хотели пострелять, то ставили в направлении к боевикам банки или коробки и стреляли по ним, из-за чего боевикам даже неинтересно было стрелять по пехоте. Но когда мои солдаты стали с энтузиазмом отслеживать духов, пытаясь их уничтожить, то боевики активно откликнулись и азартно вступили с нами в поединок. Они быстро вычислили позиции взводов и часто обрабатывали их огнем. Особенно они доставали второй взвод. Вычислили землянку взвода и то, что командный пункт батареи находится практически там же. И с этих пор второй взвод стали донимать снайперы. Хорошо, мы вырыли землянки в длинных канавах. Часть канавы занимала землянка, а вторая половина, достаточно большая, была свободной, и на ней могли спокойно размещаться девять человек взвода, костер, и оставалось еще много места для перемещения. Вся жизнь во взводе сосредоточилась на этом пятачке. Только кто-то из взвода неосторожно высовывался или выходил из канавы, как со стороны духов прилетала пуля, а иной раз и несколько. Участились и минометные обстрелы. Боевики открывали огонь из минометов по несколько раз в день и пытались нащупать командные пункты танкистов и противотанкистов. И с каждым разом огонь боевиков был все точнее и точнее. Выглядывая из канавы и наблюдая результаты минометного огня, я понимал, что рано или поздно боевики накроют мой командный пункт.

На второй или третий день противостояния командир второго взвода обнаружил позицию пулеметчика духов и сцепился с ним. В течение почти сорока минут нервно строчили оба пулемета машины командира взвода, пять раз слышались шипящие звуки пусков ракетами по огневой точке, но каждый раз пулемет вновь оживал и обильно поливал свинцовым дождем зеленку в расположении взвода, и я уже начал беспокоиться, понимая, что этот поединок может плачевно закончиться именно для нас. К пулеметчику присоединились снайперы, потом еще один пулемет, прилетали на излете пули, выпущенные из автоматов. Уже не только второй взвод они достали, но достали и нас на командном пункте. Пули визжали, свистели, срезали ветки, которые падали в канаву, где мы сидели, щелкали по броне моего БРДМ, вздымали фонтанчики земли на бруствере. И в довершение всего наш район

накрыли из минометов. После минометного обстрела стрельба быстро прекратилась, и над передним краем повисла тишина.

- Все нормально у вас? – крикнул я второму взводу.
- Все нормально, товарищ майор, – долетел веселый голос из-за зеленки.
- Как Коровин приедет, пусть ко мне подойдет.
- Хорошо.

Через несколько минут послышался приближающийся гул двигателей противотанковой установки и командирского БРДМ, возбужденные голоса солдат, которые обменивались впечатлениями. Время шло, но Коровина все не было, а из расположения второго взвода периодически слышались какие-то щелчки по металлу. После щелчка сначала слышался приглушенный мат Коровина, а потом дружный солдатский смех.

– Коровин, ну что ты там, давай сюда, – крикнул я через пятнадцать минут, когда у меня кончилось терпение.

– Сейчас, сейчас, товарищ майор, командир взвода подойдет. Вы только сами не ходите сюда.

Послышался очередной громкий металлический щелчок и новый дружный смех. Прошло сорок минут, и когда я собрался идти во второй взвод, появился командир взвода. Полу-согнувшись, он перебежал зеленку и спрыгнул к нам в канаву.

– Коровин, ты что, комбата игнорируешь? Я тебя вызываю, а ты являешься через сорок минут, а тебе идти тут сорок метров. Что за ерунда? – с раздражением спросил я.

– Товарищ майор, – старший лейтенант заразительно засмеялся, и у меня тут же улетучилось раздражение, – товарищ майор, снайперы заколебали. Когда подъехали к землянке, солдаты успели выскочить из машин, а я только люк открою, а по нему пуля щелк – я обратно в машину. Через пару минут опять высовываюсь, и опять пуля щелк, солдатам смешно, а мне не до смеха было. Только сейчас и выскочил, – Коровин опять заразительно засмеялся, засмеялись и мы.

Отсмеявшись, командир взвода уже серьезным тоном продолжил:

– Засек позицию пулеметчика, по-моему, это наш старый знакомый, выпустил по нему пять ракет. Из пулеметов по нему бил, но уничтожить не смогли. Так что он еще нам даст просрать.

Мы помолчали, вспоминая о том, как каждое утро чеченский пулеметчик ровно в семь часов утра давал очередь именно над вторым взводом и моей землянкой, как бы приветствуя нас. А потом в течение дня неожиданно открывал огонь по нашему расположению, но каждый раз с новой позиции. По пехоте он не стрелял: ему просто было неинтересно стрелять по этим «слонам», которые даже не реагировали на его огонь. А мои солдаты отвечали огнем на огонь. И этот поединок продолжался уже несколько дней.

– Значит, так, – сказал я, – кто уничтожит этого наглеца, будет представлен к медали «За отвагу». Если группа его уничтожит, то каждый будет представлен к медали. Думаю, что это хороший стимул, чтобы постараться.

Офицеры оживились.

– Борис Геннадьевич, – в азарте Игорь даже кулаком стукнул по брустверу, – я и Алексей возьмем к себе в помощь Алушаева, вычислим его и уничтожим. Только я хочу получить со склада вместо автомата снайперскую винтовку. Вы не против?

С этого дня началась охота за пулеметчиком. Уже три дня замполит, техник и Алушаев безвылазно сидели в секрете, вычисляя огневые точки пулеметчика. Не отставали от них солдаты второго и третьего взводов. Кольцо охоты постепенно сужалось. А пока пулеметчик резвился: ровно в семь часов утра над землянкой пролетала, посвистывая, стайка пуль из пулемета, а потом слышалась ровная строчка очереди. Мы в этот момент вскидывали руку в приветствии и вразнобой кричали:

– Здорово, здорово! Живой еще? Ну ничего, недолго осталось.

И вот мы его нащупали. Удача улыбнулась группе замполита. Они вычислили место: огневую точку, куда дух всегда возвращался под вечер. Скорее всего, это была его основная позиция. Он оттуда никогда не стрелял, а вел огонь исключительно с других позиций.

Было десять часов утра, когда в землянку ввалились возбужденные Карпук и Кириянов:

– Есть, вычислили его. Он всегда к шести часам вечера приходит к каменному мосту через арык, у северного угла МТФ, а в шесть утра уходит оттуда на охоту за нами. Туда, не доходя сто метров до моста, подходит зеленка, которая начинается от нас. Она не заминирована, лишь в двух местах прерывается открытыми пространствами на пятьдесят – сто метров. Ну, эти места мы проползем. Сегодня мы вдвоем, третий будет Алушаев, по зеленке проберемся до самого края, ляжем там, и как только он появится, мы в три автомата с такого расстояния в момент срежем его. И сразу же по зеленке уйдем обратно.

План был авантюрный, но именно из-за этого мог и сработать.

– Хорошо, утверждаю, но давайте обговорим вопросы прикрытия, когда вы будете отходить.

В течение сорока минут мы обговорили все детали операции, и Карпук с Кирияновым уехали по своим делам на командный пункт полка. А я остался скучать. Делать было нечего. Немного почитал, потом полежал, бездумно блуждая взглядом по потолку, по стене, и наконец мой взгляд остановился на снайперской винтовке Карпука. Во, занятие было найдено, и интересное. Я с энтузиазмом встал с постели, вытащил из-под кровати цинк с патронами для винтовки, снарядил три магазина и взял еще три нераспечатанные пачки.

Сначала я вышел на левую часть переднего края, но долго здесь не задержался. Скучно было. В оптический прицел винтовки был виден только серый бетонный арык и бугор – больше ничего. Я пересек зеленку, вышел на правую часть передка. Свернул налево и через минуту остановился у разрушенной части бетонного желоба арыка. Огляделся. В третьем взводе торчала лишь голова дежурного наблюдателя, он немного понаблюдая за мной, а потом продолжил смотреть в сторону Старых Атагов. Я стоял один на поле, и в радиусе в двести пятьдесят метров не было никого. Широко расставив ноги, я поднял винтовку к плечу и через оптический прицел стал смотреть на передний край, пытаюсь разглядеть там какую-нибудь цель. Но в перекрестье, кроме бетонного забора, деревьев и крыш коровников, ничего не было видно. Марки прицела плясали от того, что стойка у меня была неправильная и не было упора. Опустив винтовку, я оглянулся, увидел в пяти метрах полуразрушенный снарядом бетонный желоб, на который можно было положить ствол винтовки.

Только я поудобнее расположил винтовку на желобе, как по бетону, в сорока сантиметрах от меня, ударила пуля и с визгом ушла в небо. Крошки бетона больно секанули лицо, заставив зажмуриться. Пока я стоял, как в столбняке, вторая пуля попала в край желоба, уже совсем рядом, и отколола большой кусок бетона. Из охотника, который вышел пострелять, я сам превратился в дичь. Резко присев, я спрятался за желобом, лихорадочно зашарил глазами вокруг себя. Да, место я выбрал неудачное и ненадежное, до любого укрытия было метров сто открытого пространства. Как бы подтверждая мои мысли, в укрытие ударили одна за другой две пули. Одна из них насквозь пронзила бетон, проделав огромную дыру в полуметре от меня. Я просунул в дыру ствол винтовки и через оптический прицел стал высматривать позицию снайпера.

«Где же эта сука скрывается?» Ничего не было видно, но каждые две минуты в бетон били пули и дырявили его. Я веером выпустил пули в том направлении, откуда, как я думал, стреляли. Но теперь с той стороны к снайперу присоединился и застрочил пулемет, превратив часть бетонного арыка в решето. Сжавшись в комок, обхватив руками голову, как будто это могло меня спасти от попадания пули, я в очередной раз избежал смерти.

«Довернут вправо, еще одна хорошая очередь, и мне звездец», – промелькнула в башке мысль. Больше я не стал раздумывать, а метнулся к воронке от снаряда в десяти метрах. И вовремя. Вновь застучал пулемет, и послышались новые удары пуль о бетон. Пару раз свистнуло совсем рядом с головой, но я уже был в воронке. Осторожно выглянул и посмотрел на укрытие, откуда я прибежал. Вторая часть желоба тоже была в дырках от пулемета. Ни фига себе, на несколько секунд бы опоздал, и все. Я бы отсюда уже не смотрел, но на мое тело потом бы смотрели с сожалением. Я даже порадоваться не успел, как тяжелая пуля ударила прямо перед лицом в край воронки. Глаза засыпало землей, и я нырнул вниз.

Протер глаза и по-хозяйски осмотрелся в воронке. Яма была большая и полностью скрывала меня от боевиков. Край воронки, обращенный к духам, был выше, а противоположный край ниже, и я хорошо видел свой участок переднего края, даже сидя. Тут же валялся непонятно откуда взявшийся ржавый фиолетовый тазик. Я выкинул его на край воронки и с интересом стал ждать, что получится. Через двадцать секунд в тазик ударили две пули и скинули его обратно ко мне. Я опять выкинул его наверх, тазик скатился к моим ногам с еще одной дыркой в боку. Раз за разом я выкидывал посудину наверх, и каждый раз она скатывалась вниз. Снайпер попался матерый, и так просто он меня выпускать не хотел. Сторожил, наверняка приняв меня тоже за снайпера.

Я уже около часа сидел в яме и мрачно наблюдал за своим командным пунктом, терпеливо ожидая, что кто-нибудь хватится меня и выручит из этой идиотской ситуации. Около закопанной КШМ Черепкова копошились его солдаты. Вышли из-за зеленки к ним Чудинов и Алушаев, посмотрели в мою сторону из-под ладони и через несколько минут ушли обратно. Кричать им или махать руками было бесполезно – далеко. Через полчаса к землянке проехал старшина – обед привез, а меня никто не выручает.

Прошло еще полчаса, из зеленки внезапно выскочила БМП и на большой скорости направилась в мою сторону. Резко затормозила около воронки, задняя дверь машины открылась, и из-за нее выглянул заместитель командира мотострелкового взвода сержант Логинов.

– Товарищ майор, у вас все в порядке? А то я видел, как вы шли сюда, а назад все не идете. Ваши солдаты приходили ко мне, расспрашивали про вас.

В БМП попала пуля и с визгом срикошетила в землю.

Логинов засмеялся:

– Все понятно, товарищ майор, зажали вас. Как откроем огонь, так бегите, мы прикроем.

Сержант и несколько солдат достали из машины пару пулеметов ПК и, прикрывшись БМП, через пару минут открыли огонь по предполагаемой позиции снайпера, а я рванул по полю в сторону своего КП. Не знаю, стреляли по мне или нет: сзади грохотали пулеметы, раз за разом рывкала пушка БМП, в ушах, по-моему, даже посвистывало, на такой большой скорости я мчался по пахоте. Наверно, если бы я обернулся назад, то увидел бы хороший шлейф пыли из-под моих сапог.

Все триста метров на одной и той же скорости я промчался по пахоте до КШМ Черепкова и здесь, почувствовав себя в безопасности, резко сбавил скорость. Хотел обернуться, но в нескольких сантиметрах от головы просвистела пуля снайпера, я пригнулся и в несколько прыжков скрылся за машиной командира батареи.

Дождавшись благополучного возвращения БМП Логинова, я уже спокойно вернулся в землянку. Обедая в одиночестве, даже успел вздремнуть до приезда из штаба Кириянова и Карпука. Еще раз обсудив все детали предстоящей авантюры, замполит, техник и Алушаев были готовы к выходу в засаду. Присели, помолчали, потом решительно встали и пошли к палатке командира мотострелкового взвода. Здесь нас уже ждали Коровин с солдатами и сержант Логинов с пятью мотострелками. Получив последние указания и напутствия, группа скрылась в зеленке. Мы стали терпеливо ждать. Сразу же после открытия огня нашей груп-

пой Коровин со своими солдатами и двумя пулеметчиками из пехоты вылетают из зеленки на левую половину, разворачиваются в цепь и прикрывают огнем отходящую группу на своем направлении. Я с пехотой выбегаю на правую половину, и с той стороны мы бьем по чеченцам. Третий взвод, услышав стрельбу, открывает огонь из пулеметов БРДМ командира взвода. КПВТ будет нашей основной огневой мощью.

Время приближалось к шести часам, и напряжение нарастало, каждую минуту мы ожидали услышать автоматные очереди, но их все не было. Время перевалило на седьмой час, и я уже стал жалеть, что отпустил их на эту охоту. Мозг услужливо рисовал мрачные картины гибели группы; представлялось, что группа в зеленке на подходе к засаде сама попала в засаду и была вырезана или без шума взята в плен. Я даже затряс головой, отгоняя дурные мысли, и с облегчением услышал дружные автоматные очереди. Сначала прозвучало несколько автоматных очередей, а потом, через секунд сорок, когда мы уже выбегали из зеленки, разворачиваясь в цепь, передний край боевиков взорвался ответным огнем.

Я бежал по пахоте с пулеметом в правой руке, на левом плече висели, стянутые ремнями, две коробки с пулеметными лентами по 250 патронов каждая. К пулемету была пристегнута коробка на сто патронов. Я бежал к своему месту, откуда должен был открыть огонь, и удивлялся тому, как тяжело было бежать. Несколько часов назад я бежал по этому самому полю и не чувствовал ног под собой, а сейчас пот заливал глаза и ноги тонули в земле по щиколотку. Заговорил пулемет КПВТ в третьем взводе, дал несколько очередей и заткнулся. Сзади меня пехота уже залегла и открыла отсекающий огонь, а я все бежал к своей позиции. За зеленкой, на направлении Коровина, к стрельбе из автоматов присоединились звуки выстрелов из КПВТ БРДМ второго взвода и слышались шипящие звуки летящей ракеты. Вот и моя позиция. Я упал, в течение десяти секунд удобно устроился и взглянул на место боя.

В пятистах метрах от нас виднелись фигурки замполита, техника и Алушаева, которые то мелькали в зеленке, то скрывались за деревьями. В ста – ста пятидесяти метрах сзади них по зеленке и по полю стремительно двигались, развернувшись в цепь, человек десять. Они останавливались на мгновение, чтобы дать очередь по нашим, и двигались дальше. Сколько было боевиков на той половине поля, мне не было видно, но, судя по интенсивности стрельбы, их было достаточно и там. Группа быстро и организованно отходила, каждые тридцать метров кто-то из них по очереди останавливался и огнем из автомата прикрывал отход других, потом стреляющий, уже под прикрытием огня двоих, отходил сам, таким вот перекатом они и отступали. Я прильнул к прицелу и дал первую пристрелочную очередь. Хорошо. Чуть подправив точку прицеливания, я дал длинную очередь и с радостью увидел, как трассера завились вокруг двух бегущих духов. Убить я их не убил, но залечь заставил. Под огнем моей группы залегли и другие боевики, которые бежали по полю около зеленки, но остальные духи в зеленке продолжали преследование. К нашему огню наконец-то присоединился КПВТ третьего взвода, и 14-миллиметровые разрывные пули рвали землю среди лежащих боевиков, заставляя их пятиться обратно с поля в гущу деревьев. То один, то другой боевик скрывался в зеленке и уходил в сторону своего переднего края. Когда они все скрылись среди деревьев, пулеметчик КПВТ стал обрабатывать зеленку на пути отхода боевиков. Даже на таком расстоянии было видно, как пули крупнокалиберного пулемета срезали не только ветки, но и достаточно большие деревья и выкашивали кустарник.

Если эту часть боевиков мы заставили отказаться от мысли догнать и уничтожить нашу группу, то в зеленке человек пять еще пытались ее преследовать. Я прекратил огонь и стал наблюдать за местом, куда должны были выскочить Кирьянов и другие. Замполит и Карпук выскочили, но Алушаева с ними не было. Раз за разом я пробегал взглядом зеленку, но сержанта увидеть не мог, видел лишь фигуры боевиков, которые мелькали среди деревьев. Интенсивность стрельбы с обеих сторон ослабела, и слышались лишь отдельные очереди

и выстрелы. Теперь и я услышал частое посвистывание пролетающих в опасной близости пуль. Некоторые из них вздымали фонтанчики рядом со мной, но я не обращал на них внимания, а все пытался разглядеть в зеленке сержанта. В двухстах метрах от меня из-за деревьев выскочили Кириянов, Карпук и, уже не скрываясь, помчались к нашим позициям.

Заглядевшись на них, я не увидел, как почти на середине поля, неизвестно откуда, выскочил Алушаев и стремительно, насколько это было возможно, побежал прямо на меня. Поняв, что двоих русских им уже не догнать, боевики переключились на Алушаева. Выскочив на край зеленки, они открыли плотный огонь по сержанту. От пехоты их закрывали высокие и густые кусты, поэтому мотострелки крутили головами, но не могли понять, откуда велась такая интенсивная стрельба. Пулеметчик третьего взвода, увлекшись огнем по отступавшим боевикам, тоже не мог прикрыть одиноко бегущего по полю Алушаева. Очереди вспарывали землю вокруг ног сержанта, и от этого он делал дикие, нелепые прыжки в разные стороны, но невредимый продолжал бежать вперед. А боевики, почувствовав безнаказанность и вседозволенность, веселились, спокойно стреляя в незащищенную бегущую мишень. Судя по жестикуляции и спокойным действиям чеченцев, они стреляли на спор: как долго продержится русский. Но самое плохое было в том, что Алушаев находился в створе с боевиками, и я не мог открыть огонь из пулемета. Пули, пролетавшие мимо сержанта, густо свистели и жужжали в опасной близости от меня. Вскочив с земли, я перебежал с пулеметом на десять метров в сторону и опять упал на землю, теперь я мог стрелять, не боясь зацепить своего подчиненного. Алушаев, в свою очередь, увидев мой маневр, тоже подправил направление своего движения и опять влез между мной и боевиками. Боевики, увидев меня и мои маневры, разделились, и теперь половина их стреляла по сержанту, а другая по мне. Я опасно приподнялся и заорал изо всех сил:

– Алушаев, в сторону... в сторону уходи, я не могу стрелять! – даже замахал рукой, показывая, что надо делать. Но Алушаев упрямо, ничего не понимая, продолжал бежать на меня. Несколько пуль ударило в нескольких сантиметрах от меня, что-то сильно дернуло меня пару раз за одежду, но боли я не почувствовали. «Неужели ранили?» – мелькнула мысль и пропала.

Встал на четвереньки и шустро подался в сторону. Опять упал и прильнул к прицелу. Теперь Алушаев был несколько в стороне от линии огня. Уже не целясь, сразу же открыл огонь, боясь, что сержант опять вылезет между мной и боевиками. Алушаев был уже в семидесяти метрах от моей позиции, и когда я дал первую очередь, резко изменил направление. Теперь можно было стрелять без опаски. Я надавил курок и длинными очередями стал поливать боевиков. В ленте были снаряжены через один патрон трассер – разрывная, трассер – разрывная, поэтому хорошо было видно, как очереди хлестали по боевикам, вокруг них, срезая ветки с деревьев и подымая фонтанчики земли. Духи засуетились, заматались по краю зеленки, а потом дружно скрылись в глубине. Я добил ленту до конца, простреливая кусты, куда они скрылись, а потом встал и, не прячась, пошел к своим. Несколько раз свистнуло, но я даже не оглянулся и не сделал ни единой попытки спрятаться, лишь слегка ускорил шаг. У палатки меня ждали, здесь же был и Алушаев. Не успел я дойти до них, как они радостно, перебивая друг друга, загалдели:

– Борис Геннадьевич, товарищ майор, завалили мы его. Как начали стрелять, так он сразу и упал. А там, оказывается, толпа духов была, еле ушли. Если бы не прикрытие, не убежали бы.

Алушаев тоже что-то рассказывал, сбиваясь с одного на другое, и счастливо улыбался; даже сейчас, по прошествии десяти минут, он выглядел взбудораженным, дико поблескивали широко открытые глаза.

– Алушаев, ты-то как посередине поля оказался? – остановил я его сбивчивый рассказ. Сержант замолчал, собираясь с мыслями, потом засмеялся:

– Мы еще когда вперед пошли, я заметил, что из зеленки в сторону третьего взвода глубокая канава отходит. Показать я не успел замполиту с техником, прошли ее уже, но в голове она как-то отложилась. А когда начали отходить, я оказался у нее, когда прикрывал отход замполита и техника. Что-то задержался сам с отходом, пришлось мне нырять в канаву и по ней уходить в сторону третьего взвода. Боевики меня здесь и потеряли. А потом я выскочил и побежал в вашу сторону, товарищ майор, думал, что боевики меня не заметят. Но все, слава богу, обошлось. А пулеметчика мы все-таки завалили.

Обмениваясь впечатлениями, мы пошли к себе, и тут я вспомнил, как меня сильно дернуло за одежду во время боя.

– Алексей Иванович, погляди сзади меня, а то когда меня пулеметной очередью накрыло, что-то сильно дернуло.

Пока замполит осматривал одежду, я прислушивался к своим ощущениям, боясь почувствовать боль от раны, но из-за спины послышался радостно-удивленный возглас:

– Борис Геннадьевич, да вы в рубашке родились, две дырки в одежде, но тело не задето, смотрите. – Я повернул голову и посмотрел вниз, Кириянов засунул в дырки пальцы и весело шевелил ими. – Борис Геннадьевич, это надо обмыть.

...Остаток ночи прошел нормально, в пять часов меня сменил Кириянов, а без десяти семь меня разбудили. Сонно поглядывая на часы, я ждал, а рядом сидели солдаты и офицеры: тоже ждали, будет ли «здороваться» пулеметчик или он действительно убит. Минутная стрелка перевалила на восьмой час, а пулеметной очереди все не было. В пятнадцать минут восьмого я констатировал:

– Наверно, вы его все-таки завалили. Сегодня воскресенье, так что, Алексей Иванович, наградные завтра готовь из того расчета, как мы определили.

Все оживились, а я снова завалился спать. Ночь не принесла особого беспокойства. В пять утра меня, как обычно, сменил Кириянов, а я завалился спать, планируя встать часов в десять. Но поспал немного, и около семи часов, как от толчка, проснулся. Тело было расслаблено, веки словно налиты свинцом, спать хотелось жутко, но мозг четко фиксировал все происходящее вокруг меня. А вокруг меня было все спокойно: я чуть приоткрыл глаза и сквозь ресницы разглядел Карпука и Кириянова, которые сидели на своих кроватях. Алексей Иванович чистил подствольник, а Игорь попивал кофе. Я опять смежил веки и попытался заснуть. Но ничего не получилось, и я лежал, не шевелясь, слушая тихий разговор моих подчиненных. Уже почти проваливаясь в сон, услышал, как над землянкой, посвистывая, пролетела стайка пуль, и через какое-то мгновение донеслась пулеметная очередь. Потом еще раз, как бы подтверждая, еще одна стайка пуль и опять ровная строчка пулемета. Сон сняло как рукой. Я затаился. Послышался шепот Кириянова:

– Елки-палки, Игорь, посмотри, командир спит?

Несколько секунд молчания, в течение которых Карпук разглядывал меня:

– Спит комбат.

– Игорь, давай, пока он спит, подыдем взводы и попытаемся накрыть гада.

Послышался шум, подчиненные выскочили на улицу, заревел БРДМ, и звук двигателя удалился за зеленку. Такой же шум раздался и во втором взводе. Через десять минут на передке затрещали пулеметы, послышались звуки пусков ракет и глухие далекие разрывы, которые продолжались в течение сорока минут. А вскоре появились и мои подчиненные, сели молча на кровать и стали наблюдать, как я подшиваю свежий подворотничок.

– Чего там у вас за война была? – как ни в чем не бывало задал я вопрос.

– Да так, – уклонился от ответа Кириянов. Я же дальше не стал развивать эту скользкую для моих подчиненных тему.

Так, в молчании, прошло несколько минут, да и долго ждать не пришлось. Над землянкой опять пронеслась стайка пуль и звук пулеметной очереди, как бы говоря – живой я, живой.

Я засмеялся:

– Что, плакали ваши медали? А говорили – убили, товарищ майор, убили...

Карпук и Кирьянов удрученно, почти синхронно выругались.

– Мы думали, что пока вы спите, может быть, его завалим, а не получилось...

* * *

Наступил день, когда в полк приехала комиссия округа. Командир приказал всем находиться в подразделениях и ждать приезда окружников, а вечером всем командирам быть на совещании. Несколько дней тому назад замполит полка подполковник Крупин предложил сдать ему для обобщения жалобы и просьбы. Я же ничего не стал сдавать, а опросил своих офицеров и решил напрямую, на совещании, доложить начальнику штаба округа наиболее важные вопросы.

В десять часов утра ко мне в землянку заглянул скучающий командир танкового батальона. Дела были все переделаны, и я выставил на стол трехлитровую банку «Анапы» и закуску, а в разгар посиделок ко мне приехал из штаба майор Халимов и попросил показать, где можно разместить командно-наблюдательный пункт полка на время наступления. Мы вышли в распоряжение второго взвода. Надо сказать, что духи в этот день вели себя нервно. Стреляли по поводу и без повода. Обстрелы из минометов сменялись на обстрелы из более крупных калибров. Те, в свою очередь, оканчивались массированным обстрелом какого-нибудь участка обороны из стрелкового оружия. И эта карусель тянулась с самого утра. Вот и сейчас, только мы вышли и стали показывать Ренату места возможного размещения КНП, как нас сразу же обстреляли из автоматов и пулеметов. Причем впечатление было такое, как будто боевики продвинулись вперед и стреляли с расстояния в триста метров. Мы благополучно добежали до землянки второго взвода и здесь переждали обстрел, после чего скрытно переместились ко мне. Но даже и здесь изредка пролетали пули: то в одном месте, то в другом на землю падали срезанные пулями ветки или слышались редкие, но сильные щелчки пуль о бетонный желоб. Ренат, разгоряченный беготней, весело ругал начальника штаба полка за то, что тот послал его выбирать КНП полка.

– Боря, где я его выберу? Как? Пусть сам едет и выбирает.

Мы с Толиком стояли и посмеивались, а когда запал у Халимова закончился и он умолк, я пригласил его к себе в гости. Выставил на стол еще одну банку холодной «Анапы», старшина накрыл прекрасный стол, и застолье покатилося своим ходом. Как-то незаметно три литра вина закончились, и на столе, так же незаметно, появилась еще одна банка. Халимов, заинтересовавшись моими богатыми продовольственными запасами, решил приготовить из них что-нибудь восточное. Довольный, он сидел около раскаленной печки, где уже аппетитно шкварчала сковородка, куда старшина с Чудиновым по указанию Рената разбивали яйца, кромсали колбасу, помидоры и черт его знает что. Мы с Толиком веселились, глядя на эту суету, и периодически прикладывались к кружкам. Атмосфера в землянке царила веселая и беззаботная. Но в этот прекрасный момент начался очередной минометный обстрел, причем падали мины вперемешку: 82-мм со 120-миллиметровыми минами. Первый залп лег недолетный. Опытное ухо уловило, что он разорвался, слава богу, не в расположении второго взвода. Второй залп перелетел метров на сто через мое расположение и взорвался в поле. Халимов насторожился и в напряженной позе замер у печки, уставившись взглядом куда-то в угол. Старшина с Чудиновым отошли от входа в глубину землянки и уселись на дрова в углу, сжавшись в ожидании очередного залпа. Мы же с командиром батальона весело и

бестолково закричали, пытаясь привлечь внимание майора Халимова, одновременно разливая вино по кружкам:

– Ренат, вилка: минус-плюс были, сейчас по нам долбанут. Давай быстрее к столу, мы еще успеем выпить, пока нас не накрыло.

Мы подняли свои кружки и кружку Халимова, но Ренату уже было не до нас, он дико посмотрел на наши бестолково поглупевшие лица, схватил автомат и выскочил из землянки. И тут нас накрыли. Кругом загрохотали разрывы, даже в землянке был слышен противный визг осколков. Одна из мин с оглушительным грохотом разорвалась в нескольких метрах от входа в землянку. Плащ-накидку, заменяющую дверь, мотануло взрывной волной, несколько осколков залетели в помещение, но никого не задели. В течение нескольких секунд земля ходила ходуном от разрывов, и так же внезапно все оборвалось. Мы сидели оглушенные и не верили тому, что все закончилось благополучно. Вся закуска была засыпана всяческим мусором, залетевшим от разрыва мины у входа, в кружках тоже было полно мусора, насыпавшегося с потолка. Я выплеснул из кружки вино и налил чистого вина себе и Мосейчуку. Молча стукнулись кружками.

– Чудинов, сходи и посмотри, что осталось от майора, – будничным тоном приказал я солдату, поднялся: – Давай, Толя, выпьем за майора Халимова. Хороший был мужик, царство ему небесное. Остался бы в землянке – сейчас бы подымал вместе с нами кружку.

Выпили и сели на кровати, стали закусывать. Откинулся полог входа:

– Товарищ майор, нету майора Халимова и крови не видно. Да и машины его нет, может, уехал?

Около входа в землянку красовалась достаточно глубокая воронка от 120-миллиметровой мины. Установка взрывателя на mine была «фугасная», поэтому, прежде чем взорваться, мина сильно углубилась в землю и там разорвалась, это и спасло нас: подавляющее количество осколков осталось в земле. Ни около воронки, ни поблизости крови не было видно. Значит, для Рената все закончилось тоже благополучно. Мы с Толиком выпили за здоровье офицера, потом еще. Мы, может быть, продолжили бы и дальше, но в землянку вбежал Торбан и возбужденно закричал майору Мосейчуку:

– Товарищ майор, там к вашему КП подъехал БТР командира полка и на нем полно офицеров.

– Толя, блин, по-моему, это командир полка с начальником штаба округа, а с ним и мой Гвоздев, – в панике воскликнул я и рванул из-за стола. Это я хотел рвануться из-за стола, но у меня ничего не получилось. Если сознание работало более-менее четко, то ноги совершенно не подчинялись командам, которые шли из мозга, и попытка вскочить чуть не закончилась опрокидыванием стола. То же самое происходило и с командиром танкового батальона. Мы оба барахтались за столом, пытаясь выйти оттуда, но это у нас плохо получалось.

– Сержант, гад, убирай стол, а то мы так и не выйдем отсюда, – в отчаянии закричал Мосейчук, пытаясь в очередной раз выбраться из-за стола и заваливаясь на меня.

Торбан и Чудинов схватили стол и поставили его в угол. На этот раз нам хоть и с трудом, но удалось подняться с кроватей. Первым из землянки, качаясь из стороны в сторону, выбрался Толик, я за ним. Высунувшись из-за кустов, посмотрели в сторону КП танкистов. Действительно, там стоял БТР командира, а на нем полно офицеров. Петров, стоя на броне, что-то объяснял Каспировичу и показывал в сторону моей батареи, рядом с ними стоял Гвоздев и тоже смотрел, как мне показалось, прямо на меня.

Толя тоскливо вздохнул и обреченно произнес:

– Боря, мне надо туда идти. Это звездец. – Повернулся и, сильно кренясь из стороны в сторону, неловко побежал к БТР командира.

Я почти в панике заметался около землянки, но через несколько секунд взял себя в руки, понимая, что после КП танкового батальона они заедут ко мне. А я двух слов связать не могу. Лучше бы мина в землянку попала.

– Чудинов, быстро наводи шмон в землянке, со стола все убрать. Чистота и порядок, даю тебе две минуты. Понятно? – Водитель мотнул головой, и его как ветром сдуло. – Торбан, медицина, черт тебя подери: что хочешь делай с комбатом, но через три минуты я трезвый. Вперед!

Торбан тоже метнулся в землянку и через тридцать секунд выскочил оттуда с полной кружкой в руке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.